

18+

Галина Альварес

Цветы на песке

Роман

Галина Альварес
Цветы на песке. Роман

«Издательские решения»

Альварес Г.

Цветы на песке. Роман / Г. Альварес — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512465-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. На берегу Средиземного моря встречаются двое: сорокалетняя русская женщина из северной глубинки и шестидесятилетний кубинец, давно уже пустивший корни в Испании. Их жизненные истории совсем разные, и оба держат в тайне свои секреты и промахи. Но их объединяют воспоминания о России, которую оба любят, и общее чувство — одиночество. Каков же будет результат этой встречи? Найдут ли они счастье, которое так ищут? Ответ на этот вопрос читатель получит в конце истории.

ISBN 978-5-00-512465-4

© Альварес Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Цветы на песке

Роман

Галина Альварес

© Галина Альварес, 2020

ISBN 978-5-0051-2465-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рите, за поддержку и сотрудничество

Всей моей семье

Глава 1

По сравнению с Псковом, имеющим длинную и славную историю, Васильево со своим пятидесяти тысячным населением был почти деревней, жалким захолустьем без собственного лица. Среди разбросанных по обширной территории этих мест поселений, это было ещё одно, ничем особенным не отличающееся от других. Территориально посёлок Васильево был не слишком удалён от столицы области, но по своей сущности он принадлежал другому миру, миру серости и безнадёжности. С хаотически проложенными улицами и беспорядочно разбросанными домами, этот населённый пункт имел все необходимые городские атрибуты: церквушку и главную улицу, на которой располагались самые важные учреждения. Это было здание Главной Администрации, а также маленькая поликлиника и коммерческий центр, с магазином одежды и обуви, рестораном и супермаркетом под названием «Весна».

Несмотря на позднее время (а стрелки часов уже приближались к девяти вечера), в «Весне» было довольно много народу. В единственной кассе магазина сидела Лариса, сорокалетняя натуральная блондинка приятной наружности. Отработав двойную смену, она была в полном изнеможении от усталости. Но кто способен оставаться бодрым после четырнадцати часов работы в кассе? А что ж ей было делать? Она нуждалась в деньгах. На прошлой неделе к ней подошла её подруга Зинаида, или Зинка, как к ней все обращались, и сообщила, что в туристическом агентстве недалеко от её работы в соседнем городе продавались дешёвые путёвки в Турцию на какой-то знаменитый курорт. Поэтому Зинка предложила воспользоваться возможностью и съездить вместе на отдых. Лариса тут же спросила, не сошла ли она с ума. Откуда ей взять столько денег? Для кого-то, может, это и дёшево, но только не для неё. Она едва сводит концы с концами. Глупости, заявила Зинка, а для чего существуют банки? Можно оформить кредит, и проблема решится. А платить можно понемножку, оформив выплаты на полгода. Она уже всё узнала, всё очень просто, и через шесть месяцев не останется никаких долгов. Поколебавшись, Лариса приняла предложение подруги. А теперь она металась между сомнениями и ожиданием приятных приключений.

Неожиданно прямо перед ней возникла фигура Зинки со скромными покупками: пакет макарон, банка томатного соуса и батон белого хлеба.

– Ты всё ещё здесь?

– Конечно. А что мне делать? – ответила Лариса усталым голосом. – Нужно ведь заработать на отпуск. Вот и сижу здесь с восьми утра. Слава Богу, Борис послал меня на склад после обеда, а сам сел в кассу. Этот проклятый стул убьёт меня когда-нибудь, от него жутко болит спина.

– На пляже всё перестанет болеть, и спина тоже. Будешь себе валяться на песке, под лучами южного солнца. Я просто не могу дождаться поездки, схожу с ума от нетерпения. Представляю себя в кресле самолёта и...

– Послушайте! – вдруг раздался раздражённый голос из очереди. — Кончайте базар! Что за привычка трепаться в кассе!

– Успокойся, дорогая, мы уже кончили. Имей терпение! — отпарировала Зинка и засунула свою покупку в сумку. Затем, обращаясь к Ларисе, добавила: — Завтра увидимся, загляну к тебе вечером.

К счастью, на следующий день Лариса вернулась домой пораньше, после четырёх. Выряженная в старую футболку и спортивные штаны, Лариса пылесосила квартиру. Её прервал звонок в дверь. Лариса остановила ногой пылесос и пошла открывать. На пороге стояла подруга, с широкой улыбкой на круглом лице. В руке она держала толстый конверт.

– Вот, смотри, это путёвки! Даже с медицинской страховкой. – Потом выражение лица у неё поменялось и она озабоченно поинтересовалась: — Ты уже попросила отпуск?

– Конечно, я сразу же спросила шефа, и он обещал.

Войдя в квартиру, Зинка уселась на диван, закинула ногу на ногу и откинулась на спинку.

– Подожди ты с этой фигнёй – скомандовала она бесцеремонно, указывая на пылесос, – потом продолжишь, когда я уйду. Давай поговорим о деле.

Лариса занервничала. Она никогда не выезжала за границу, и у неё сразу возникло множество вопросов о различных формальностях.

– У меня нет заграничного паспорта! — вспомнила она вдруг.

– В полиции тебе его оформят за три дня, только нужно три фотографии.

– А визы? У нас же их нет!

– Дорогая, спустись на землю. Уже несколько лет, как турки отменили визы для русских. И с кокетливой улыбкой дала свою версию этого замечательного решения: – Дело в том, что мы, русские женщины, пользуемся большим успехом у тамошних мужчин. Поэтому они и не хотят создавать нам преграды. Ха-ха! Они просто млеют от нашего присутствия, ну ты сама увидишь.

Лариса слушала подругу с большим сомнением. В их городке жил кое-какой народ с Кавказа, и их мужчины, черноволосые и темпераментные, имели плохую славу из-за грубого обращения со славянскими женщинами, которых считали несерьёзными и доступными особами. Обычно они нагло приставали ко всем блондинкам подряд.

– Ты знаешь, что я не связываюсь с чужаками.

Таким вот прозвищем местные жители наградили всех тех, кто к ним приехал из южных республик бывшего СССР. В эту категорию входили лица мужского пола, прибывшие с Кавказа и из Средней Азии. В девяностые годы, когда жизнь стала невыносимой, беженцы из тех краёв наводнили русские просторы, достигнув даже удалённого от военных конфликтов севера. Люди бежали от войны в Чечне, от безработицы и, прежде всего, от ужасающей бедности во вновь образовавшихся государствах Средней Азии. Бежали в поисках работы и мира, так как в России, несмотря на множество проблем, можно было найти хоть какой-то заработок. Работа была чаще всего нелегальная и плохо оплачиваемая, но всё-таки это было что-то, чего они не имели вообще.

Уже давным-давно установился мир на Кавказе, но многие чеченцы остались: они уже пустили корни в новых землях. Многие из них стали бизнесменами. Некоторые владели запра-вочными станциями и магазинами, а другие занимались всякой нелегальной деятельностью, вплоть до подпольной торговли наркотиками. Чеченская мафия обвила своими щупальцами даже маленькие северные посёлки. И что сказать, находились женщины, которые связывались с чужаками, особенно если у тех водились деньги. Однако север, верный своим традициям, имел свои строгие нормы поведения. Женщины, имевшие отношения с чеченцами или азиатами, получали плохую славу. А от плохой славы, как известно, отмыться очень трудно.

Зинка тоже не была глупой и хорошо знала неписанные законы. Хотя и имела на этот счёт своё личное мнение:

– Дурочка, да там тебя никто не увидит. К тому же турки – не чеченцы. Правда, они тоже мусульмане, но они обходительные, хорошо относятся к русским туристкам и называют их Наташами. Там все русские – Наташи. Идешь по улице и слышишь: Наташа, Наташа! И в магазинах тоже, ха-ха! И знаешь одну вещь – в отличие от наших, турки не пьют. Коран запрещает.

То что многие мужчины в России страдают алкоголизмом Лариса прекрасно знала и имела в этом отношении очень грустный опыт. Сергей, её последний бойфренд (надо же его как-то назвать, к тому же, это словечко вошло в моду) всегда был навеселе. Ей иногда было противно пускать его к себе в постель, но трезвым он к ней почти никогда не являлся, а оставался дома со своей женой, чтоб ему пусто было. «Ну и мерзавец!», подумала она с горечью, «Разбил мне жизнь столькими обещаниями. А я, как последняя дура, ждала его десять лет, и все мои лучшие годы прошли мимо... Да, правильно Зинка говорит: надо начать наслаждаться жизнью. А что? Мне уже сорок стукнуло, а что я в жизни видела? Ничего! Нигде

не была, ничем интересным не занималась и даже не сумела выйти замуж и заиметь детей. Так что не буду больше душой и воспользуюсь моментом».

– Только вот с моим гардеробом беда – выдавила она из себя. – В моих нарядах вряд ли я смогу впечатлить когонибудь. Загляни ко мне в шкаф – ничего стоящего нет, самой противно.

– О гардеробе зря беспокоишься, что-нибудь там купим. У них на базарах всего полно и всё очень дёшево. И не будь скромницей! С твоей внешностью нельзя жаловаться – ты до сих пор похожа на девушку. Была бы у меня такая фигура!

– Конечно, ведь в отличие от тебя я не рожала. И скажу тебе, что в тысячу раз предпочла бы стать толстой коровой, но иметь ребёнка, как ты. Ты вот развелась, но у тебя есть дочка, семья. Зато у меня...

– А мы найдём тебе симпатичного турка и выдадим за него замуж! — Зинка звонко захохотала. — Серьёзно, кто знает, сколько всего может произойти за неделю?

В назначенный день обе подруги с чемоданами в руках прибыли в международный аэропорт Пулково в Санкт-Петербурге. Они почти не спали, так как их самолёт вылетал утром. У них за спиной осталась очень длинная и мучительная поездка – четыре с лишним часа по плохому шоссе в неудобном автобусе с жёсткими сидениями. И слава Богу, что Зинкин дядя подвёз их до автовокзала на своей машине.

Лариса была в Пулково впервые и пришла в восторг от нового аэропорта. Она ожидала увидеть его старым и маленьким; кто-то так ей его описал несколько лет назад. Но когда автобус остановился перед прекрасным, новым зданием с современной кровлей и застеклённым фасадом, она пришла в восторг и вдруг почувствовала себя маленьким и незначительным существом. Естественно, подумала она, ведь никогда раньше она не входила в здание международного вокзала, чтобы самой отправиться за границу. В то же самое время ей было немного грустно, так как у них не было возможности заехать в город. Она много лет не была в Петербурге. Естественно, ей бы хотелось побродить по улицам, заглянуть в магазины и в полной мере почувствовать пульс этого огромного города. Но с самого начала она знала, что это невозможно из-за недостатка времени.

Вскоре они сдали багаж и прошли паспортный контроль. И сразу почувствовали голод. Им повезло, что у них были с собой бутерброды, иначе они остались бы голодными. Ведь цены в роскошных кафе и ресторанах аэропорта были им совсем не по карману. Они перекусили на удалённой скамейке и решили пройтись по залу ожидания, чтобы скоротать время. Ларисе было неудобно входить в фирменные магазины, так как она подозревала, что торговый персонал сразу обнаружит её неплатёжеспособность. Но у Зинки были свои соображения на этот счёт, и она никогда не была стеснительной. Поэтому она не пропускала ни одного магазина ни киоска. В конце концов, они ничего не купили, но Зинка получила массу удовольствия, разглядывая одежду, обувь и фирменные сумки.

Наконец, объявили посадку на их рейс. Увидев самолёт изнутри, Лариса снова восхитилась – такое она видела только в кино. Просторный салон, удобные кресла и стюардессы в элегантных костюмах – всё это было так красиво и необычно, что она подумала, что стоило влезть в долги, чтобы увидеть такое чудо. И это было только начало.

Глава 2

В тот вечер у Энрике Суареса было хорошее настроение, и на это были причины. Он получил по телефону сообщение от одного старого знакомого, скорее старого друга. Дружба эта была родом из другой эпохи, из его прошлой жизни, жизни непохожей на его настоящую, пенсионерскую жизнь. К тому же, это была эпоха его молодости.

В те незапамятные времена ему было лет тридцать. Он был женат и обладал дипломатическим статусом, так как работал в очень важной международной организации под названием СЭВ – Совет Экономической Взаимопомощи. Организация эта располагалась в самом сердце Москвы, в красивом здании, хорошо известном в те времена во многих уголках социалистического мира. Работа в этом прекрасном месте была предметом вождения любого уважаемого министерского служащего; а он её получил, не достигнув и тридцати, и являлся самым молодым сотрудником среди работающих в организации соотечественников.

Приятель, связавшийся с ним так неожиданно, был одним из группы кубинских сотрудников того времени. Звали его Висенте Галбан и работал он советником при Кубинском Представительстве в СЭВ. Сам Энрике не достиг такого высокого ранга, хотя и его должность была достаточно важной: он был международным экспертом по финансам.

Энрике всегда отличался способностями к математике; и именно поэтому он, закончив лучшую на Кубе школу – школу Ленина –, был направлен на учёбу в Советский Союз. Выучив за год русский язык, он провёл ещё пять лет в знаменитой Плехановской академии. Закончив учёбу со степенью магистра, он вернулся на родину, где был направлен на работу в Министерство финансов. В министерстве он сразу сумел выделиться своими способностями и глубокими знаниями социалистической экономики.

«Так что Висенте тоже в Испании», подумал Энрике. Неизвестно почему, но он был убеждён, что его товарищ жил в Майами. Кто-то ему говорил, что он уехал с Кубы. Но в те времена его соотечественники предпочитали эмигрировать в Канаду или в Штаты. Кроме этого, было известно о существовании небольшой группы кубинцев в Швеции – небольшой по сравнению с американской диаспорой. Но, насколько ему было известно, в Испании не проживал никто из его бывших коллег.

Сообщение от Висенте было довольно кратким и ничего не говорило о его жизненной траектории. «Потом нужно расспросить его обо всём», решил Энрике; ему было очень интересно узнать побольше о жизни старого коллеги в течение этих долгих лет. И хорошо, что такая возможность появилась. Висенте и его супруга Елена пригласили его к себе домой на обед в следующее воскресенье. И предложили провести вместе целый день. А жили они в Аликанте, совсем близко от его города. Разве мог он себе это представить? Конечно, нет. Когда Энрике купил себе эту квартиру в небольшом прибрежном городе, он был уверен, что находился в этих краях один, без близкого соседства с соотечественниками. А оказалось, что совсем рядом жил его старый приятель. Приятель, рядом с которым он провёл пять незабываемых лет своей жизни.

Висенте был его неформальным начальником с кубинской стороны, и у них были прекрасные деловые и личные отношения. Раз в неделю они обсуждали рабочие темы, и вдобавок ежедневно встречались в уютной кухне их национального представительства, куда сходились после обеда все работающие в организации кубинцы. Они обменивались новостями и пили крепкий кубинский кофе, потому что ни в одном из многочисленных кафе организации не готовили такого вкусного напитка. Да... те годы навсегда запечатлелись у Энрике в памяти. И даже сейчас, столько лет спустя он вспоминал о них с теплотой.

В воскресенье, в одиннадцать часов, Энрике сел в свою машину и направился в столицу провинции, находившуюся в тридцати минутах езды от его дома. Разумеется, он нервничал, думая о предстоящей встрече с друзьями. Прошло столько времени с того момента, как они расстались! Он постарался прикинуть, сколько же лет назад он уехал из Москвы навсегда. Тридцать? Более или менее. Сейчас он уже не был молодым и успешным чиновником, как тогда; он был шестидесятилетним пенсионером, преждевременно отправленным работодателем на заслуженный отдых. А сколько же лет было Висенте? Порядка семидесяти? Вполне возможно, ведь он был старше Энрике лет на десять.

Немного взволнованный, с заполненной сомнениями и вопросами головой, он въехал в уютный район на окраине Аликанте – Пальмераль. Он позвонил друзьям по внутренней связи, и Висенте сразу спустился. У него было прежнее лицо, хотя немного и подёрнутое морщинами. Его открытая и привлекательная улыбка прекрасно сохранилась. Но у него явно не хватало волос, которые Энрике вспоминал густыми и тронутыми преждевременной седью.

– Ну надо же, ты совсем не изменился, – заметил Энрике совершенно искренне. Он действительно подумал, что его приятель прекрасно выглядит для своих лет —: И такой же худой, как раньше.

– Ты тоже совсем не изменился, – ответил Висенте, крепко его обнимая, – я бы тебя сразу узнал.

– Ну это принято говорить после долгой разлуки.

Дверь в квартиру была открыта, и на пороге стояла Елена.

– Приветствую звезду Представительства Кубы в Москве! – воскликнул Энрике с воодушевлением и радостью и поцеловал её в обе щеки, по испанскому обычаю.

Она ответила ему крепким объятием. Они хорошо знали друг друга, поскольку Елена тоже работала в организации, но в её конкретном случае, синхронным переводчиком. Тогда она прекрасно выглядела на свои сорок лет, была красива и элегантна. Они часто встречались на конференциях, как в Москве, так и за рубежом, и у них были доверительные отношения. Елена обычно работала с кубинскими делегациями, он же участвовал в качестве международного эксперта.

Увидев её изменившейся, Энрике подумал, что время никого не щадит. Елена имела приятную наружность для своего возраста, была харизматичной и привлекательной женщиной. Но возраст пометил её мелкими морщинками на лице, отёками под глазами, вздутыми венами на ногах и артрозными изменениями на пальцах. И ему стало очень грустно от того, как в одну секунду разрушился прекрасный образ молодой женщины, который он сохранял в своей памяти в течение трёх десятилетий.

В тот день они много говорили и вспоминали прошлое. Висенте и его супруга рассказывали ему о своих похождениях, а он им – о своих. Таким образом Энрике узнал много нового для себя о бывших товарищах по работе. За исключением тех, кто умер, никто из бывшего кубинского коллектива не остался на острове. Лимия умер от рака желудка через два года после возвращения на родину. И Гонсалес умер буквально через год, в его случае – из-за сердца. Всё это Энрике уже знал. А не знал он самого интересного. Это было бегство Паредеса, главного защитника режима и официального агента госбезопасности Кубы. Присутствие агентов было абсолютно обязательным в любой группе кубинских работников за границей, и Паредес никогда не скрывал своей принадлежности к этой вызывающей страх организации. Он был последним кубинцем, покинувшим СЭВ после его развала. Потом его перевели в посольство, где он проработал еще три года. Как только его вторая миссия закончилась, его отправили на родину, и во время этой поездки он со всей своей семьёй попросил убежища в Канаде. В то время Энрике уже жил в Испании и поэтому ничего не узнал, но этот позорный поступок вызвал

громкий скандал. Об инциденте долго сплетничали, хотя власти и сделали всё возможное, чтобы прикрыть позор.

Придя в себя от изумления от такой новости, Энрике спросил о другом товарище по работе:

– А что тебе известно о Педро Лопесе и его жене?

– Через год после возвращения на Кубу их обоих отправили в Мексику, и там они так и остались, – ответил Висенте с хитрой улыбкой. – Люди их типа никогда не проигрывают.

– Да что ты говоришь! Так и остались? В жизни бы не подумал.

– И тоже бы не подумал, что Педро работал на Госбезопасность?

– Что?! Мне бы и в голову не пришло, – Энрике остолбенел от удивления.

– Конечно, это было засекречено. Только наш начальник Маноло и советники Представительства были в курсе.

– Я и не подозревал. Подозревал других и, честно сказать, даже тебя. Ты понимаешь, твоя должность...

– Ха-ха! – засмеялся Висенте. Было видно, что его развлекает реакция Энрике. – У этого есть своя логика. Но я тебе скажу: я был единственным из советников, кто не работал на *министерство*.

– Неужели? А Диана? Скажу тебе, что со мной наедине она часто критиковала правительство.

Висенте многозначительно промолчал и только посмотрел на Энрике с иронией. Потом он сменил тему разговора:

– Ну ладно, а у тебя как дела? Как Майра, как сын? Уже, наверняка, превратился в настоящего мужчину.

– Мы развелись двадцать лет назад. У нас были проблемы в отношениях, и к тому же, Майре не нравилась Испания. После развода она уехала в Майами; к тому времени там уже обосновался её брат и забрал с Кубы родителей. Майра увезла Раулито; она всегда говорила, что будущее у сына будет там намного лучше. Возможно, она была права, если подумать о безнадёге и безработице среди молодёжи в Испании. Мой сын уже совсем вырос, окончил университет, имеет хорошую работу и собственную семью. А я всё живу здесь, как одинокий волк... В Хихоне у меня остались кое-какие дальние родственники, но тётки мои все поумирали. Так что я решил переселиться сюда, к морю, в тёплые края. Астурия – очень красивая провинция, но климат там поганый: вечно пасмурно и дождь, прямо как в Англии. Я постоянно ходил простуженный.

– Ты расскажи нам лучше, как ты оказался в Испании, – спросил Висенте, – вот уж не ожидали тебя здесь встретить. И меньше всего – в этом районе.

И Энрике описал с подробностями, каков был его путь на Пиренейский полуостров. Должно быть, Висенте и Елена были в курсе, что они с Майрой вернулись на родину после окончания контракта в Москве. В то время у него и в мыслях не было покинуть страну. Он вернулся в своё министерство и продолжил работу на своей же должности. И Майра тоже вернулась в свой институт. Но постепенно они начали осознавать свою ошибку. Им следовало остаться в Канаде, где самолёт всегда приземлялся для заправки. Именно так поступили многие из возвращавшихся домой кубинских сотрудников с семьями. Это был самый лёгкий путь к получению убежища. К несчастью, они не последовали их примеру, и после возвращения на Кубу всё пошло как нельзя хуже. Ситуация в стране ухудшалась с каждым месяцем и вскоре стала совершенно невыносимой. В Москве они привыкли к тем свободам, которые дала перестройка, и не могли принять тот факт, что Куба изменила свой курс прямо в противоположном направлении. Даже Майра, такая преданная идеалам революции в прошлые времена, круто изменила свои политические взгляды. С другой стороны, условия жизни тоже ухудшились. Правительство провозгласило «особый период», и это вылилось в постоянные отключения

электричества и воды, отсутствие транспорта на дорогах, пустые магазины и аптеки... Было бы сложно перечислить всё. Короче, экономическая ситуация в стране быстро достигла дна. Тогда у них и возникла идея уехать. Майра стремилась в Майами, где уже жил её брат. Но она хотела бежать в лодке, как делали многие в те безумные времена. В лодке! Только сумасшедший мог решиться на такое. Он, со своей стороны, забраковал этот план, обречённый на провал. Он не позволил рисковать жизнью сына. У него мурашки бегали по коже, когда он только думал об этом. Но, по правде говоря, не только поджидающая на дороге опасность отпугивала его от мысли перебраться в Штаты. Причиной его упрямого несогласия была давняя неприязнь, которую он, в отличие от большинства соотечественников, испытывал к этой стране. Он не любил её и не знал точной причины. Возможно, это была какая-то форма идеологического атавизма, но он категорически не желал переезжать в страну, которую всю жизнь считал вражеской. Вот с того момента и начался семейный конфликт.

– Но не было бы счастья, да несчастье помогло, – продолжил рассказывать Энрике. – Мой умерший дедушка был эмигрантом из Астурии. Он приехал на Кубу ещё в двадцатые годы. Он всегда мечтал вернуться на родину, но не смог этого сделать: этому помешала победа революции. У него отобрали маленькое предприятие, которое он сам создал и укреплял в течение всей своей жизни. Все его планы рухнули. Я думаю, что он так сильно разочаровался в происходившем в стране, что полностью потерял интерес к жизни и умер. Все его родственники, мои дяди и тётки, жили в Хихоне. Поэтому я смог организовать поездку в Испанию, чтобы их навестить, и они помогли мне оформить документы. К счастью, из-за дедушки испанца, у меня было право на испанский паспорт. Так что я уехал один и не вернулся домой. А через год сумел вызвать Майру и сына. Испанские родственники мне очень помогли и даже дали мне работу в маленькой семейной фирме. Позднее мне удалось устроиться в банке.

– Да... Мы, кубинцы разбросаны по миру ничуть не меньше, чем евреи, – прокомментировал с грустью Висенте. – Жизнь раскидала нас по всем континентам, кроме Антарктиды. Кубинцы живут повсюду: в Африке, на Аляске, в Сибири и в Новой Зеландии. Куда ни сунешься, повсюду их встретишь. Даже в Китае. Мы как-то были там в туристической поездке, и что ты думаешь? Мы встретили соотечественников даже там. Женатые на местных женщинах, они запросто болтали на китайском!

– Это правда, – вступила в разговор Елена. – И зачем ехать так далеко? – В этих краях тоже живут кубинцы. На днях я встретила одну мулатку, она торговала на рынке сыром. Мы разговорились, и она мне поведала, что живёт в Эльче двадцать лет. Она так обрадовалась, услышав, что я тоже приехала с Кубы! Но это ей не помешало обмануть меня, всучив упаковку просроченного сыра. Он был твёрдым, как камень, и я не смогла отрезать ни кусочка. Пришлось выбросить его в мусор.

– Да, здесь можно встретить кого угодно, и некоторые из наших соотечественников не ведут себя должным образом. Хотя испанцы тоже далеко не святые и очень гордятся своей ловкостью в коммерческих делах. Мы уже научились никому не доверять с первого слова, хотя после Швеции поначалу нам было довольно трудно перестроиться. У шведов, как и у всех, есть свои недостатки, но они очень честные.

Разговор очень оживился с рассказами о северной стране, где Елена и Висенте провели двадцать лет. Как важный чиновник с дипломатическим статусом, Висенте сразу получил там убежище. В последствии они сумели подтвердить свои дипломы и устроиться на работу. В течение многих лет Висенте работал преподавателем испанского в средней школе, а между тем, Елена, быстро выучив шведский, стала работать переводчиком с иммигрантами. Дело в том, что в девяностые годы в Швецию хлынул поток беженцев из бывшего СССР. Многие не хотели жить во вновь образовавшихся государствах из-за религиозных и социальных различий. Русскоязычные убегали из мусульманских территорий Средней Азии, где к ним начали плохо относиться. Многие не выдерживали экономического хаоса, возникшего в обществе по вине

новорождённого капитализма. Люди бежали в Америку и в Европу и, как результат, шведские миграционные власти нуждались в переводчиках с русского, поэтому Елене удалось устроиться там на работу. Работа с беженцами не была такой гламурной, как в СЭВ, но давала стабильную зарплату. Поначалу Елене и Висенте было трудно из-за незнания языка и непонимания шведской ментальности, но постепенно они освоили язык и стали лучше разбираться в довольно специфичной скандинавской психологии. Жили они спокойно, пока не достигли пенсионного возраста. За это время они приобрели квартиру в Аликанте и, выйдя на пенсию, окончательно переехали в Испанию, о чём ни на минуту не пожалели. Уже пять лет, как они жили здесь, довольные поворотом судьбы.

– Здесь я, как дома, – объявила Елена. – Ни в каком другом месте мне не было так хорошо.

– Даже на Кубе? – пошутил Висенте.

– Ой, пожалуйста! – возмутилась она устало.

И, обращаясь только к Энрике, добавила: – Веришь ли, после стольких лет жизни за границей мой муж вдруг начал идеализировать Кубу. Похоже, что ностальгия так его заела, что он забыл все наши мучения.

Энрике только рассмеялся в ответ. Он сам иногда грешил тем же.

Остаток дня прошёл в очень приятной обстановке. Они вспоминали проведённое в Москве время и то, что было прожито после России. Постепенно они углубились в трудности эмигрантской жизни. Да... Тяжело было лишиться родины и попасть в чуждый мир, сменить язык, как пришлось сделать Висенте и Елене, и постоянно чувствовать тоску по потерянной отчизне. Увы, их родина тоже претерпела изменения и сильно отличалась от той, какой они сохраняли её в своей памяти... Они вспоминали то, что вынуждены были потерять навсегда: семью, профессию и социальный статус.

– Хоть мне и не пришлось сменить язык, моя жизнь в Испании тоже была не сахар, – сказал Энрике.

И в самом деле, будучи прекрасным специалистом по финансовой стратегии, в Хихоне он работал обыкновенным банковским служащим с довольно простыми обязанностями: оформлять банковские переводы, выплачивать деньги в кассе и принимать платежи. И, разумеется, в профессиональном плане его потенциал не был полностью использован. То же самое испытал и Висенте. Как журналист с огромным опытом, он мог бы устроиться на радио или в любой шведской газете. У него были знания и мнения по любому вопросу. Но кто в них нуждался? Никто. В любой шведской организации, имеющей связи с Латинской Америкой, все места были заняты представителями коренного населения. Это они ездили по миру и на своём слабом испанском языке опрашивали латиноамериканских политиков или простых граждан, и передавали репортажи о жизни совершенно чуждых им народов. Но таковы были правила игры, и это надо было понять и принять. Проблема трудоустройства – самая сложная сторона жизни в эмиграции. Так что все трое работали до пенсии на должностях, не соответствующих их компетенции, но у них было не такое уж плохое положение. По крайней мере, они выполняли квалифицированную работу; другим иммигрантам с высшим образованием приходилось куда хуже.

Более того, никто из них троих не чувствовал себя плохо по этой причине. Все они оценивали свой жизненный опыт, как положительный. Они поехали по миру и открыли для себя новые страны, познакомились с новыми культурами и глубоко изучили принципы *цивилизованного* мира. И вообще считали, что им в жизни очень повезло, так как, выйдя на пенсию, они сами смогли решить свою судьбу: где им жить и чем заниматься в отсчитанные судьбой годы.

Да, они хорошо поговорили, и это был очень интересный и насыщенный разговор. Уже давным-давно Энрике не имел возможности разговаривать с кем-нибудь о своей жизни и обмениваться воспоминаниями. И даже приготовленные Еленой блюда хорошо вписывались в обсуждаемые темы о прошлом. Чтобы сделать приятное Энрике, она приготовила кое-что

из русской кухни. Елена предполагала, что в течение долгих лет он не пробовал настоящего борща или блинчиков с мясом. И правда, поглощая с аппетитом ярко-красный борщ и красиво поджаренные конвертики с мясом, Энрике почувствовал тоску по прожитому им в России времени. Тоску по прекрасным студенческим годам, но, особенно, по годам работы в организации. Это было невозможно забыть, хотя он и думал, что выбросил всё из памяти.

Бывает, что новые люди и новые события вытесняют из памяти прожитое. Очевидно, это произошло и с ним. Совершенно иной, своеобразный образ жизни в этой стране, новые люди и новые друзья – всё было так ярко и необычно, что московские воспоминания потихоньку начали бледнеть и исчезать, замещаясь новыми эмоциями и впечатлениями. Годы проходили, и всё, что он помнил и знал о России, стало мало-помалу оседать где-то в глубине его подсознания. Это стало как бы частью его прошлой жизни, у которой не было ничего общего с настоящей. Будто бы он умер и вновь родился на Пиренейском полуострове. Он стал практически другим человеком. Тот молодой специалист, когда-то работавший в Москве, исчез с лица земли, точно так же, как исчезло с лица земли большое государство – СССР.

Глава 3

В аэропорту Анталии их встречала очень загорелая молоденькая блондинка. Было заметно, что большую часть дня она проводит на солнце. А оно, видно, палило как следует. Кстати, её звали Наташа и, услышав это, Лариса улыбнулась. Выйдя из здания аэровокзала, Ларисе показалось, что её втолкнули в раскалённую печь. Гид им объяснила, что на побережье стояла совсем необычная для мая, ужасная жара. Она посоветовала укрываться от солнца и много пить.

Большой и удобный автобус довёз их до отеля, находившегося в сорока минутах езды от аэропорта. Оказывается, он не был в городе, а располагался в одном из туристических посёлков на побережье. Хотя отель был только трёхзвёздочным, подругам он показался просто раем. Он не стоял прямо на берегу, как хотелось бы Ларисе, но до пляжа было недалеко, а море было видно прямо с балкона. Вид на море был боковой, но очень красивый.

– Боже мой, ну и жара, – пожаловалась Зинка, стараясь найти кнопку управления кондиционером.

Но её не было. Зинка расстроилась и сказала, что надо бы пойти в рецепцию и пожаловаться. На тот момент Ларису не так уж беспокоила проблема с кондиционером; стоя на балконе, она восхищалась морем. Море было ярко-голубое и блестело на солнце, и это была самая прекрасная картина из всех виденных Ларисой в жизни. На Средиземном море она была впервые. Вообще-то она уже видела море, только Балтийское, когда двадцать с лишним лет назад их группа из медучилища ездила на экскурсию в Петербург. Балтийское море поразило её своей грандиозностью; но оно было свинцово серым и не имело ничего общего с той ослепительной красотой, которая в данный момент открывалась перед её глазами. Лариса полюбовалась пейзажем ещё немного и пошла разбирать чемодан.

Её подруга уже закончила раскладывать вещи, оставив ей небольшое пространство в шкафу. Ларисе этого вполне хватило, так как у неё было мало одежды. А в это время Зинка пошла жаловаться на жару в комнате. Но вскоре она вернулась с расстроенным лицом.

– Мне объяснили, что кондиционер центральный, и что он запрограммирован на определённые часы. Пару часов с утра и несколько часов вечером. И что всё это записано в контракте, который мы плохо прочитали. Так что теперь придётся терпеть.

– Ну ладно, утром мы будем на пляже, а днём, по всей вероятности, будем гулять...

– После обеда здесь невозможно выйти из дома, солнце жарит, как в аду. Лучше всего быть в бассейне. Выходить на прогулку лучше вечером, когда станет прохладнее.

– Как ты всё знаешь! – восхитилась Лариса.

– Да я же была в Турции раньше, несколько лет назад. Ты что, не помнишь?

Разумеется, Лариса помнила, хотя в то время её подруга ещё была замужем и они реже встречались. После развода Зинка стала искать общества Ларисы, чтобы вместе проводить свободное время и развлекаться. Иногда они ходили в кино, а иногда в бар, выпить чего-нибудь для настроения. Зинкина мама всегда поддерживала дочь и оставалась с ребёнком. Зинка рассказывала, что её мама всё ещё рассчитывала выдать Зинку замуж вторично, но это было совсем непросто.

В городке было два развлекательных заведения: бар «Калинка», в котором собиралась молодёжь из посёлка и из соседних деревень, и небольшой подвальчик, под названием пивнуха, куда сходились выпить после трудового дня взрослые работяги. Бар «Калинка» был колоритным заведением с ярко раскрашенными стенами и украшениями в народном стиле. Его хозяйка, одна известная в местечке пара нуворишей, ставили там музыку «диско» и продавали алкоголь всем подряд, не спрашивая о возрасте. Поэтому по вечерам там было всегда полно юнцов и молоденьких девчонок. Временами попадался какой-нибудь взрослый пьянчуга,

но это случалось редко. Короче, в том месте не было кандидатов даже для случайной связи. Что уж там говорить о серьёзных отношениях! В пивнухе, напротив, собирались мужики, но обстановка была угнетающая. Несколько дешёвых столов с алюминиевыми ножками, стулья из красного пластика и обшарпанная стойка – это была вся мебель. Грубые стены без штукатурки были выкрашены в ядовито-жёлтый цвет и изобиловали царапинами, пятнами грязи и даже надписями. Это место было настолько непривлекательным и угнетающим, что подруги прозвали его «жопа» и предпочитали не посещать. А вообще-то в посёлке было мало одиноких мужчин, да и те не ходили по барам, они предпочитали пить у себя дома. Так было проще и дешевле.

А между тем в комнате становилось всё жарче, ещё и потому, что окна выходили на юг. Поэтому подруги были вынуждены закрыть дверь балкона и задёрнуть плотные шторы. Чтобы не страдать так от жары, они решили выйти из комнаты и обследовать гостиничную территорию. К тому же пора было что-нибудь поесть; в течение первого дня пребывания в режиме «всё включено» им полагался только ужин. Они переоделись в более лёгкие наряды и спустились вниз по лестнице, не воспользовавшись лифтом, так как жили на втором этаже. В холле гостиницы было более прохладно, и они отметили наличие большого кондиционера в углу, недалеко от рецепции. Там стояло несколько кресел и диван, на которых расположилось несколько отдыхающих; они явно наслаждались прохладным воздухом, выходявшим из аппарата.

– Обрати внимание, – сказала Зинка, от чьего внимания ничто не ускользало, – потом мы сможем посидеть здесь и освежиться.

Они вышли в большой, красивый двор через раздвижные стеклянные двери. Высокие густые деревья создавали глубокую тень, а на ярких клумбах и газонах было множество цветов. Огромный бассейн располагался прямо в середине территории, а вокруг бассейна, на многочисленных лежаках располагались иностранные туристы, отдав на растерзание яростному солнцу свою белую, нежную кожу. Было заметно, что большинство из них – вновь прибывшие.

– Какой красивый бассейн! – воскликнула Лариса, не сдержав восхищения. – Как хочется окунуться!

– После обеда искупаемся. Сначала перекусим.

Подруги прошли через двор и вышли на улицу. Яркое полуденное солнце ослепило их ещё больше, так как не было почти никакой тени. Лариса сразу же вспомнила свой посёлок Васильево и не смогла избежать сравнений. У неё на родине солнце светило иначе. Хотя сейчас, в мае, ночи были короткими, а дни очень длинными, солнце было мягким и немного притушенным, менее агрессивным, чем в этих широтах. Лариса немедленно вытащила тёмные очки и надела их. От жары она сразу вспотела и почувствовала, как кожа у неё быстро покрылась влажной и липкой плёнкой.

Недалеко от отеля они обнаружили одно место, где продавалась шаурма. Цена была вполне подходящая и покрывала даже напитки. После долгих часов голода, это простое блюдо показалось им очень вкусным, намного лучше тех, что продавались в Пскове, столице их области. А в Васильеве шаурму вообще никто не готовил.

Сытые и довольные подруги пошли вниз по улице по направлению к пляжу, несмотря на палящее солнце. Перед глазами у Ларисы возник неописуемо красивый пейзаж: золотистый песок и изумрудное море, которое на горизонте сливалось с голубым, чистым небом. И она подумала, что мир не замкнулся на её посёлке, что в жизни ей предстоит увидеть ещё много красот и испытать множество прятных ощущений. Ещё несколько дней назад Лариса и представить себе не могла, что существует такая благодать и что ей уготовано судьбой посетить эту прекрасную страну и купаться в самом Средиземном море. Она вспомнила уроки географии в своей старой школе. Тогда она смотрела на карту и видела это море очень далёким и чужим. Такими же далёкими казались ей и страны, лежащие на его берегах — страны с древней культурой и щедрой природой. Там климат был тёплым, а люди весёлыми, потому что в такой красотище иначе и быть не могло. И Лариса, чей характер носил отпечаток осенней меланхолии

и зимней монотонности своего края, почувствовала, как грудь её и чувства распахнулись для ярких цветов побережья, запаха моря и рокота волн. Её наполнила радость знакомства с этим новым миром, и на лице её раскрылась широкая средиземноморская улыбка.

Она сбросила босоножки и побежала к воде. Горячий песок обжигал ей ступни, но она не обращала внимания. Затем она вошла в воду по щиколотку и сразу отметила, насколько вода была прохладнее песка. Эта свежесть показалась ей замечательной. Не удержавшись от соблазна, подруги решили окунуться в море, хотя и не взяли с собой полотенца. Контакт с упругими волнами, разбивавшимися о тело, был таким впечатляющим, что Лариса начала громко смеяться и визжать, как ребёнок, стараясь перекричать шум прибоя.

Выйдя из воды, они обсохли на солнце, стоя на песке, и возвратились в отель. Так как в комнате было ещё жарко, они взяли полотенца и спустились в бассейн, где было просто замечательно. Вода немного пахла хлоркой, но её температура была идеальной для купания и охладила тело, перегревшееся в лучах послеполуденного солнца. Немного позже Лариса загорала на лежаке и думала, как прекрасна жизнь. Стоит поработать побольше и влезть в долги за возможность провести несколько дней в этом раю. Деньги приходят и уходят, но впечатления от прожитого остаются на всю жизнь. И тогда она поклялась себе, что эта поездка не будет последней в её жизни.

– Как же хорошо! – воскликнула её подруга.

И это полностью совпадало с Ларисиными собственными мыслями.

– И мне так хорошо, что двигаться не хочется, осталась бы лежать здесь навсегда.

– Это выползает твоя накопленная усталость, – заметила Зинка с выражением всезнайки на лице. – Но ты чересчур не расслабляйся, а то мы вечером должны пойти гулять.

– Должны? А кто нас заставляет?

– Блин! Ты что, спятила? Мы же приехали развлечься. Я лично не собираюсь торчать в комнате.

– Но мы ведь только что приехали. И обе устали после бессонной ночи в этом жутком автобусе...

– Отоспишься, когда вернёмся.

Может, подруга права? Конечно, надо использовать время отпуска по полной.

Когда они вернулись из бассейна прямо перед ужином, кондиционер уже работал, и в комнате было очень приятно. Лариса первая пошла в душ.

– Ты там поскорее, пожалуйста! – Это было последнее, что Лариса услышала перед тем, как закрыть дверь.

В ванной комнате был только душ, отделённый от передней части перегородкой из матового стекла. Ларисе это понравилось: так было намного проще. Она открыла кран и встала под прохладными струями воды, но оказалось, что сток был забит, и вскоре под ногами у неё захлюпала вода. Ей сразу пришлось прикрыть кран. В любом случае, Лариса сумела хорошо освежиться. И не всё было так плохо; по крайней мере, она осталась очень довольна полотенцами: они были мягкие и ослепительно белые. Настоящий люкс!

Но Зинка была разочарованна ванной комнатой.

– Чёрт побери! – воскликнула она со злостью. – Здесь всё забито, и надо потребовать, чтобы это исправили. Послушай, ты не могла бы спуститься и сообщить им там о проблеме, пока я принимаю душ?

К счастью, персонал гостиницы говорил по-русски. В ином случае им пришлось бы очень трудно, так как ни одна из них не говорила ни на каком иностранном языке. Их жалкие знания английского, приобретённые в школе, давно уже улетучились. Девушка в рецепции была очень приятной и пообещала сразу же послать сантехника.

Несмотря на маленькие неудобства, подруги были в замечательном настроении. И ужин, надо сказать, превзошёл их ожидания. Они даже растерялись увидев всё то изобилие, что пред-

лагал им отель по контракту «всё включено». Меню было разнообразно и очень красиво разложено по блюдам, особенно салаты. Они были приготовлены из разных овощей и прекрасного белого сыра, приправлены травами, и с первого момента привлекли внимание подруг своими яркими цветами. Дальше шли блюда из овощей на гриле; они ничем не напоминали еду, которой женщины обычно питались дома. Хороши были и соусы. Особенно два из них: душистый соус из йогурта с зеленью и из оливкового масла со специями.

Лариса отметила, что среди официантов не было женщин. Все мужчины были внимательны, но не более того. Они даже не улыбались. Улыбаться им было просто некогда при такой нагрузке. Они бегали туда-сюда, стараясь вовремя обслужить толпы голодных отдыхающих.

Лариса пробовала экзотические деликатесы и наслаждалась новыми запахами и новыми вкусами. Привыкшая к простой домашней пище, такой как паста или картошка с кетчупом или майонезом, и даже без салата, она наслаждалась непривычно вкусными и ароматными блюдами. Больше всего впечатлили её фрукты. Она вспоминала своё голодное детство, когда простое яблоко считалось непозволительной роскошью. В то время как здесь было всё: аппетитная красная клубника, румяные груши, спелые бананы с едва не лопающейся кожурой... И особенно ананасы. Янтарного цвета, огромные и неопишимо вкусные. В ресторане были даже арбузы и дыни, что очень удивило Ларису, ведь по её расчётам арбузный сезон ещё не начался. И заключительным штрихом во всём этом великолепии были сладости. Последний стол был заполнен тарелками с баклавой и лукумами. Баклава сразу привлекла внимание Ларисы. Пропитанные мёдом и посыпанные молотыми фисташками, крошечные пирожные прямо таяли во рту. Лариса съела целых три штуки, хотя потом об этом пожалела, почувствовав тяжесть в желудке.

– С этими сладостями надо соблюдать осторожность, – сказала Зинка, – мы к таким не привыкли.

Покончив с едой, подруги принялись наблюдать за гостиничным «контингентом», который оказался довольно непривлекательным. Несколько старых и толстых английских пар, пять или шесть семей с детьми, непонятно какой национальности, и множество русских. Без всякого сомнения, соотечественники превалировали в этой толпе отдыхающих. Теперь стало понятно, почему гостиничные сотрудники говорили по-русски. В этом множестве туристов Лариса и Зинка не обнаружили никого, с кем бы стоило завести знакомство. Мужчины были в компании своих жён и, вообще, по виду не особенно отличались от представителей сильного пола их посёлка. Это были непричёсанные, плохо одетые, с помятыми лицами мужики с видом законченных неудачников. Да, эти «экземпляры» не имели категории.

Глава 4

После встречи с Висенте и его супругой на Энрике наплыли воспоминания о своём пребывании в Москве: сначала шесть лет студентом, а потом ещё пять дипломатом. Оба периода были приятными, но каждый по-своему. И хотя он уже давно забыл об этом времени, поездка в Аликанте разбудила память и он стал частенько думать о московском периоде жизни. Вообще-то встреча с друзьями и приятная атмосфера в их доме вызвали у него странное чувство, немного похожее на зависть. Его бывшие коллеги сумели сохранить любовь и привязанность в течение долгих лет, что длился их союз. Сколько лет они были вместе? Возможно, пятьдесят. Они сумели сохранить семью, хотя принадлежали разным культурам и были родом из разных стран. Обычно кубинцы считали такие браки бесперспективными, обречёнными на развод, и с неизбежным осложнением для мужчины — разлуку с детьми. Однако, как ему было хорошо известно, Висенте и Елена не были единственной международной парой, насчитывающей долгие годы совместной жизни. У Энрике были и другие знакомые с похожей историей.

В своё время он не осмелился сделать то же самое и женился на соотечественнице. И несмотря на это, ему повезло гораздо меньше. Дожив до шестидесяти лет, он остался совсем один: без жены и без единственного сына. Когда он был моложе, то не особенно страдал от одиночества. Работа, друзья и скоротечные связи с разными женщинами полностью заполняли его дни. Зато теперь, дожив до пенсии, он чувствовал себя по-настоящему одиноким. Пабло, его самый близкий друг из Хихона, умер два года назад, и Энрике его очень не хватало. Другие товарищи, бывшие коллеги по работе и приятели по соседству — все были заняты собственной жизнью, детьми или внуками. Им уже не так, как раньше, хотелось собираться большими группами и обсуждать свои мужские дела. Поэтому Энрике ничего не оставалось, кроме как выпить с кем-нибудь кружку пива перед обедом или посмотреть футбольный матч в баре у Альфонсо. И ко всему этому, одиночество усугублялось обычным для Хихона в зимнее время года влажным, пронизывающим холодом.

Выйдя на пенсию, Энрике стал страдать от избытка свободного времени. Он не пел ни в каком хоре, как некоторые из его знакомых, за неимением слуха. Он не сотрудничал ни с каким добровольным обществом или ассоциацией: ему становилось от них тошно. Слишком уж они напоминали ему кубинские революционные организации с обязательным членством. Организация Красного Креста, как и группы, связанные с церковной деятельностью или ежегодными народными праздниками, которые так всерьёз воспринимали его товарищи, — всё это было не для него. Он жил в Испании уже двадцать семь лет, но все ещё сохранял кубинский взгляд на вещи. И хорошо известно, что редко какому уехавшему из страны кубинцу нравится привязывать себя к организациям. Покинув родину, они становятся индивидуалистами и стремятся сохранить свою с таким трудом добытую свободу, и предпочитают спонтанные встречи без обязательств и официальных рамок.

Поэтому Энрике остался совсем один после завершения работы в банке. В стенах своей квартиры у него было сколько угодно свободы, но не было никого, с кем бы он мог разделить свои беспокойства или стремления. Тогда он осознал, как важно иметь рядом кого-то, кому небезразлична твоя жизнь. Почему такое с ним случилось? Почему жизнь обошлась с ним так несправедливо, и почему на этом этапе никто в нём не нуждался?

Он много раз спрашивал себя об этом, хотя в глубине души знал ответ. По жизни он совершил множество ошибок, как в юности, так и в более зрелом возрасте. Когда он был молод и всегда чем-нибудь занят, он не думал об этом. Но сейчас у него было достаточно времени, чтобы переосмыслить свою историю и осознать, что то, чему его учили родители, сегодня приняло чёткую форму. Да... Как говорила мама, что посеешь, то и пожнёшь. Именно сейчас он

расплачивался за всё, что натворил в молодости, расплачивался за своё легкомыслие в отношениях с женским полом. Ему никогда не хватало решительности принять важное решение и довести дело до конца. Своё первое предательство, причинившее ему самому огромную боль, он совершил в России. И дальше по жизни, уже после развода с Майрой, он тоже много чего натворил. Одним словом, он вёл себя как трус и получил за это наказание.

В этот тёплый осенний день, удобно расположившись в кресле на террасе своей квартиры, он любовался синеющим вдаль, за сосновым лесом морем и вспоминал прошедшие годы. И как всякий хороший финансист, старался свести баланс своей жизни. Дебет, кредит и убытки. Потому что прибыли было так мало, что она почти не улучшала отрицательного результата его жизненной деятельности. Он проанализировал всё с самого начала: с того самого момента, как он, закончив образование в Москве, вернулся на Кубу. И то, что произошло позднее. Он вспомнил ощущение вины, которое мучило его и причиняло ему саднящую боль в душе в течение нескольких месяцев. Однако хорошо известно, что любая боль проходит когда-нибудь. Так и его боль прошла, и постепенно он начал забывать о случившемся в России. А после встречи с Майрой, он окончательно освободился от угрызений совести.

Майра обладала взрывным характером, как в гневе, так и в хорошем настроении. Внешне она была необычайно привлекательна, особенно когда танцевала, покачивая великолепными бёдрами в такт музыке... Яркий экземпляр кубинской расы. Энрике всегда мечтал именно о такой женщине, чтобы создать семью. Они поженились и были счастливы. Страстная в постели, с упругим телом и горящим взглядом, Майра окутала его своей нежностью и окончательно вытеснила московские воспоминания. Но счастье не было продолжительным. Энрике начал замечать, что ему чего-то не хватало в этом вроде бы удачном браке и не мог понять, чего именно. Поэтому он начал искать это нечто на стороне. Но не сумел найти.

Когда его кандидатуру предложили для работы в Москве, Майра не смогла сразу с ним поехать, она заканчивала аспирантуру и готовилась к защите диссертации. Поэтому она приехала на восемь месяцев позднее. И так как сын, Раулито, был ещё маленьким, он остался с матерью на Кубе. Благодаря такому вот стечению обстоятельств Энрике получил в подарок восемь месяцев холостяцкой жизни.

Квартира, предоставленная семье на годы работы по контракту, находилась в окрестностях Московского Университета. Иногда жизнь преподносит сюрпризы; вот и Энрике получил свой сюрприз. Чтобы добираться от дома до работы, он должен был ехать по набережной Москвы-реки, вдоль жилого квартала с домом Марины, его бывшей русской невесты. Это монументальное здание, выполненное в стиле социалистического классицизма, которое он посещал когда-то довольно часто и где провёл столько незабываемых моментов, сейчас возникло у него на пути, как наказание и вечный упрёк. И все связанные с ним воспоминания, ещё довольно свежие, давили на него, как тяжёлые блоки, из которых был простроен этот огромный дом. Поэтому Энрике казалось, что сама судьба распорядилась поставить это здание у него на пути. Один лишь вид этого дома бередил ему рану и заставлял вспоминать совершённые им низости.

Живя на Кубе, Энрике приложил большие усилия, чтобы забыть Марину. И тогда вероятность увидеться с ней в будущем казалась ему близкой к нулю. Между ними был океан, и вообще, после всего случившегося она никогда не захотела бы с ним встретиться. Это было очевидно. Однако сейчас, находясь с ней в одном городе и проезжая ежедневно мимо её дома, Энрике думал: «Кто знает?». Но нет, он никогда не осмелился бы предстать перед своей обманутой невестой. По прошествии нескольких дней он уже так не думал. У него возникло большое желание увидеть Марину и убедиться, что всё в её жизни сложилось нормально. Возможно тогда совесть оставила бы его в покое.

Однажды в субботу, а это был выходной, он сел в машину и направился к её дому. Остановившись недалеко от нужного подъезда, он принялся наблюдать. К счастью, все двери того

дома выходили на улицу, а не во двор. Он пробыл там два часа, но за это время не появлялись ни Марина, ни её родители. Он не стал больше ждать и уехал.

На следующий день, в воскресенье, он снова был на прежнем месте. Прошло больше часа и вдруг дверь подъезда открылась и вышла она. Но Марина была не одна, она толкала впереди себя коляску с маленьким ребёнком. Сердце у Энрике забило так сильно и в глазах возникла такая тёмная муть, что он полностью растерялся и не смог пошевелиться. Через минуту, открывая дверцу автомобиля, он заметил, что руки его дрожали.

– Марина! – крикнул он; но у него сорвался голос и она не услышала, потому что не повернулась, а продолжила свой путь в противоположном направлении. Тогда он позвал погромче.

Марина остановилась и с удивлением на него посмотрела. Она совсем не изменилась; прошедшие четыре года нисколько не отразились на её лице. Но у неё изменился взгляд. Она глядела на него своими карими глазами спокойно, без улыбки, нисколько не удивляясь его внезапному появлению.

– Привет! – сказал он. – А я тебя ждал.

– Что ты здесь делаешь? Я думала, ты на Кубе.

– Я работаю в СЭВ, здесь рядом.

– А, поэтому ты и пришёл.

– Нет. Я пришёл не потому, что это рядом. Я специально пришёл, чтобы лично попросить у тебя прощения за всё.

– Серьёзно? Ну тогда не беспокойся. Прошлое умерло, похоронено, и жизнь продолжается.

– Я не хотел причинять тебе боли, обстоятельства были такие. В своё время я постарался тебе всё это объяснить: мне было очень тяжело принять то решение. И до сих пор тяжело. – И, взглянув на ребёнка в коляске, спросил: – Мальчик или девочка?

– Девочка. Ей шесть месяцев.

– Значит, ты замужем. И всё в порядке?

– Разумеется. Не буду же я плакать по тебе всю оставшуюся жизнь! Конечно, я вышла замуж и очень счастлива.

– И как дела вообще? Ты работаешь где-нибудь?

– Сейчас я в декретном отпуске, а так работаю переводчиком в Министерстве Иностранных Дел. Как раз по специальности. Там я и познакомилась с моим мужем, он профессиональный дипломат. Так что будь спокоен, пусть совесть тебя не мучает.

Марина наклонилась над коляской, чтобы поправить что-то у малышки, и её волосы, как тяжёлый шёлковый занавес упали вниз. Она уже не носила так нравившуюся ему когда-то косу.

– Можно взглянуть на твою дочку? – спросил Энрике. Ему очень захотелось увидеть этого ребёнка.

– Да, конечно.

Он приблизился к коляске и взглянул на малышку. У неё было прехорошенькое личико и голубые глазки, однозначно не унаследованные от матери.

– Похожа на отца? – Поинтересовался он.

– Его копия.

– Ну и хорошо. Спасибо, что согласилась со мной поговорить. Мне очень понравилась твоя дочка. У меня тоже есть ребёнок, мальчик трёх лет.

– Очень рада, поздравляю. А сейчас извини, мне надо идти.

– Могу ли я позвонить тебе когда-нибудь по-дружески? Я всё ещё помню номер твоего телефона.

– Нет, не можешь. В другие времена мы уже как-то оставались друзьями, и ты знаешь, к чему это привело. А что до моего номера, советую тебе забыть его навсегда. И, пожалуйста, не приходи больше. Прощай.

– Прощай. И прости меня, если можешь.

Марина не ответила. Она повернулась в другую сторону и продолжила свою прогулку медленным, спокойным шагом. Ещё несколько минут Энрике наблюдал за ней, пока она не повернула направо и не исчезла из виду.

Потом он вернулся к машине, сел на сидение и положил руки на руль. Он не был в состоянии вести машину: руки у него тряслись, а голова кружилась. «Как могла она быть так спокойна?», спрашивал он себя, «Или она просто притворялась?». Он хорошо знал о способностях Марины держать себя в руках и скрывать эмоции. И тоже помнил, какая она гордая; она никогда не показала бы ему своей слабости. Зато сейчас она в полной мере сумела ему показать своё безразличие. Успокоившись немного, Энрике запустил двигатель и тронулся. Ехал он медленно, решив проследить Маринин маршрут по парку. Но она исчезла.

Через двадцать минут он уже вернулся домой. Встреча с Мариной сильно взволновала его, хотя и не привела к какому-либо изменению в оценке прошлого. В глубине души он всегда считал, что поступил тогда правильно, но очень сожалел о том, в какой форме он это сделал, и до сих пор чувствовал себя очень виноватым перед Мариной. Однако, что-то всё же изменилось. Во-первых, он понял, что не был прощён, иначе Марина не говорила бы с ним так сурово. Во-вторых, он узнал (и это было замечательно), что она устроила свою жизнь, вышла замуж и родила ребёнка. Думая о девочке, Энрике вспомнил о своих чувствах в тот момент, когда он увидел кроху: ему стало чего-то жалко и за что-то обидно. Эта девчушка могла бы быть его дочерью. Но это была лишь минутная вспышка, так как его чувство к Марине уже не было прежним. Он уже не любил её так, как когда-то, в нём оставались только тоска и сожаление. К тому же, такой короткий разговор не смог бы раздуть прежнего пожара, потому что она уже успела стать для него воспоминанием, воспоминанием очень красивым, но в то же время, причиняющим боль. К тому же, у него уже была другая жизнь, и он не хотел возврата к прошлому.

В любом случае, встреча с Мариной пошла ему на пользу. Узнав подробности о судьбе бывшей невесты и убедившись, что с ней не случилось ничего плохого, Энрике почувствовал облегчение, и теперь, проезжая каждое утро мимо её дома, уже не испытывал беспокойства, как в первые дни после приезда. К тому же, он не приехал в Москву, чтобы страдать. Его ожидали восемь месяцев холостяцкой жизни, и он решил использовать их по полной программе. В этом огромном городе было сколько хочешь развлечений и красивых девушек.

Хотя поначалу он вёл себя «хорошо», так как опасался сплетен и возможной критики кубинского коллектива, уже через месяц он обо всём забыл, не сумев устоять перед прелестями молоденькой практикантки из библиотеки СЭВ, куда он часто заглядывал. Её звали Ольга и она была одинока. Она только что закончила библиотечный институт и проходила стажировку в этом «престижном месте», как она объяснила.

Искра взаимной симпатии вспыхнула внезапно и очень скоро превратилась в настоящее пламя; отношения развивались бурно и страстно. Они встречались на квартире у практикантки, вернее в комнате, которую она снимала в центре Москвы. Она жила на Садовом Кольце, довольно близко от здания, где оба работали. Туда можно было добраться пешком даже в обеденный перерыв. Энрике так хорошо всё сумел уладить, что никто в Кубинском представительстве никогда не узнал о его связи с девушкой.

Это было чудесное время. Ольга прекрасно знала литературу, что было естественно для человека её специальности, а ему очень нравилось читать. Он прекрасно владел языком и любил русскую литературу. Он много читал на русском, как классиков, так и современных мастеров. И этот вкус к чтению — можно сказать потребность — возник в нём в студенческие времена, благодаря Марине. А сейчас через Ольгу он мог доставать любые редкие книги и потом обсуждать с ней прочитанное. Она была умницей и хорошо разбиралась в мировой литературе, не исключая и латиноамериканскую.

В те времена в СССР большим успехом пользовался журнал «Иностранная литература», издававшийся огромными тиражами. Он выходил ежемесячно и в нём публиковались переводы важнейших новинок из любой точки земного шара. Через этот журнал можно было познакомиться и с творчеством латиноамериканских писателей поэтов, ставших популярными в России, таких как Варгас Льюса, Гарсиа Маркес, Жоржи Амаду, Пабло Неруду и многих других. Поэтому Энрике мог обсуждать с Ольгой любую важную книгу этих авторов, и это приносило ему огромное удовольствие. Ну а в том, что касалось мировой литературы, Ольга была настоящим экспертом. Кроме этого, она очень любила театр и кино и всегда доставала билеты на самые интересные спектакли московских театров, даже на премьеры. Шесть месяцев, что Энрике провёл в обществе этой девушки, стали для него настоящим праздником.

Эти месяцы напомнили ему о недалёком прошлом, когда он был беззаботным и полным надежд студентом. И неожиданная встреча с Ольгой наполнила его жизнь теми вещами, по которым он, сам того не осознавая, сильно скучал: это был русский мир и его богатейшая культура.

Но отношения с этой девушкой не могли продолжаться вечно, тем более, что в один прекрасный день Майра сообщила о своём приезде. С другой стороны, Ольга завершала свою стажировку в библиотеке СЭВ, и ей уже предложили работу в одной из библиотек на окраине столицы. Как бы там ни было, разлука их была оправданной, а прощание быстрым. Довольно болезненным для неё и менее болезненным для него.

По возвращении супруги жизнь Энрике радикально изменилась. Закончились походы в театр, зато начались походы в гости к кубинским товарищам по работе. Вне рабочего времени жизнь его снова стала полностью кубинской. Соотечественники часто собирались, чтобы в приятной компании скоротать долгие зимние вечера. Собирались, чтобы отмечать вместе дни рождения, которых было множество, организовывали вечеринки с танцами, или просто болтали за тарелкой кубинской еды и слушали любимую музыку. Новая жизнь полностью поглотила Энрике, и очень скоро эпизод с библиотекаршей превратился в приятное воспоминание, ещё одно в его длинном списке.

Глава 5

Хотя уже стемнело, жара всё ещё была довольно сильная. Лариса и Зинка вышли из отеля и направились к морю в надежде найти там желаемую вечернюю прохладу. В самом деле, на набережной дул слабый морской ветерок, которого хватило, чтобы высушить выступивший пот. В любом случае, на набережной было очень приятно. Фонари ярко светили, расположенные вдоль берега палатки щедро демонстрировали свой товар, рестораны и бары были полны отдыхающих, а в некоторых местах звучала музыка и даже выступали певцы.

– Иди сюда, красавица, я дёшево отдам, – то и дело слышались призывы продавцов, то на русском, то на английском.

Мужчины улыбались и приглашали войти в павильоны, помогая себе даже жестами. Иногда Лариса останавливалась в каком-либо месте, чтобы взглянуть на товар, но бойкие турки моментально шли в наступление, открывая пакеты и протягивая ей вытасченную из них одежду. У неё голова шла кругом от такого натиска. Ей хотелось что-нибудь купить, но при этом осмотреть всё спокойно, чтобы к ней никто не приставал. Ей было неудобно уходить из палаток с пустыми руками, особенно когда она видела обиженные лица. Но не могла же она купить что попало, когда была так ограничена в средствах.

В отличие от неё Зинка чувствовала себя, как рыба в воде; было заметно, что приставания торговцев совсем ей не мешали. Лариса видела, как она с ними болтала, смеясь над их исковерканным русским языком, как умело с ними торговалась. С помощью кокетливой, обещающей улыбки ей удавалось значительно снизить цены, Турки были обходительны с её подругой, они слушали её шутки и, довольно улыбаясь, принимали её цену. Обе стороны, уверенные в заключении хорошей сделки, расставались друзьями. Лариса смотрела на неё с удивлением и спрашивала себя, откуда у её подруги такая способность приспосабливаться к новым обстоятельствам. Она обращалась с турками с таким искусством, будто занималась этим всю жизнь.

– А ты почему ничего не купила?

– Не смогла, – ответила Лариса, расстроенная. – Эти навязчивые торговцы совсем сбивают меня с толку.

– Дурочка! Надо не шарахаться от них, а научиться с ними обращаться. Нужно строить им глазки и кокетничать – тогда они тают и сбавляют цену наполовину. – Затем она схватила Ларису за руку и скомандовала: – Пошли!

Лариса неуверенно последовала за ней во внутрь довольно большого павильона.

– Взгляни, вот это платье сшито прямо на твою фигуру. Красивый фасон и в нём не будет жарко. И голубой цвет тебе идёт. Давай, примерь!

– Нет. Оно слишком дорогое, я не могу столько платить.

– Господи, какая же ты наивная! Если не будешь дурой, тебе его продадут намного дешевле. Здесь только простаки платят то, что написано на этикетке.

Они прошли в примерочную. Лариса переделась и взглянула на себя в зеркало. Ей удивительно шло это платье. Когда с ним в руках они вышли из примерочной, Зинка позвала турка.

– Сколько стоит? – спросила она, хотя на этикетке была чётко написана цена.

– Сто – Мужчина подтвердил обозначенную цифру, но Зинка широко раскрыла глаза.

– *Very expensive!* – воскликнула она на своём ужасном английском языке, сопровождая восклицание жестами, чтобы не оставалось сомнений, в том, что её поняли. Потом перешла на русский: – Посмотри: как ей идёт! Ты не снизишь цену этой красивой Наташе? *Discount?*

Турок захохотал и ответил на ломаном русском:

– Да, она настоящая красавица. Семьдесят лир. – И добавил: – Хорошо торгуешься!

– Нет, это дорого. – Потом, жестикулируя обеими руками, Зинка выдала целую речь: – Много русских, мы покупаем и помогаем твой бизнес. Мы любим Турцию. Турки – хорошие люди. Русские, турки – дружба. Ну давай, сбавь ещё немного, *cheaper*. Я знаю, что сможешь.

Удивлённый мужчина, с выражением восхищения на лице, сказал:

– Ты выиграла, бери, Пятьдесят лир.

– Вот видишь? Когда есть желание, всегда можно договориться.

Торговец засунул покупку в пластиковый пакет, взял деньги и поблагодарил.

– До свидания, Наташа! Приходи ещё, завтра ждём новый товар. Дёшево и красиво.

– До свидания! – сказала Зинка. – Обязательно прийдём.

Покончив с покупками, они вернулись в отель, чтобы оставить сумки. Лариса надела новое платье и посмотрелась в зеркало. Его удачная расцветка подчёркивала голубизну её больших и очень выразительных глаз. Она освежила макияж, добавила тени на веках и подкрасила губы. Натуральный оттенок её волос напоминал цвет зрелой пшеницы в августе. Лариса собрала их на затылке, оставив свободной свою длинную и нежную не по возрасту шею. Она осталась довольной своим отражением: несмотря на северную бледность, выглядела она хорошо.

– Прекрасно смотришься, – заметила подруга с оттенком зависти в голосе.

Зинка была ниже ростом, её волосы были обычного русого цвета, а глаза серые. Но Лариса была уверена, что зависть была напускной. Её подруга не была такой и, конечно, не желала Ларисе ничего плохого. К тому же, Зинке было незачем завидовать: её более обычная внешность с лихвой компенсировалась открытым характером и умением заводить знакомства. Именно поэтому у Зинки было куда больше успеха у мужчин по сравнению с более скромной и молчаливой Ларисой.

Женщины снова вышли на улицу и направились в бар, облюбованный ещё во время первой прогулки. Он располагался на углу, напротив набережной, и был оформлен в простом сельском стиле. Столики освещались свечами, и это придавало большой уют. Они выбрали место в центре, но в удалении от сцены, где небольшая группа музыкантов играла местные мелодии.

К ним сразу же подошёл официант, и они заказали холодное пиво. В такой жаркий вечер пиво подходило больше всего, а кроме того, стоило не так уж дорого. Почти моментально им принесли запотевшие стаканы с пенящейся янтарной жидкостью. В полумраке клиенты были видны не совсем чётко, но проглядывалось несколько пар и группа из нескольких человек. Большинство столиков было ещё пусто.

– Да... Перспективы здесь мало, – разочарованно отметила Зинка, – давай выпьем пиво, а потом посмотрим, что делать.

В этот момент на сцену вышла молодая женщина и начала петь сильным голосом с особым южным тембром. Мелодия была незнакомая и содержание непонятное, но голос той женщины и чувственная манера исполнения, непривычная для слуха Ларисы, тронули её до такой степени, что у неё даже выступили слёзы.

– Красиво поёт, – сказала она, – давай останемся её послушать.

– Останемся. Правда, хороший голос.

Слушая музыку, они пили потихоньку пиво, растягивая его как можно дольше, но оно всё равно кончилось. Официант сразу подошёл и убрал стаканы. Они остались ещё некоторое время, но помещение потихоньку заполнилось, и стало не хватать мест. Тогда официант вновь подошёл и спросил, хотят ли они ещё чего-нибудь.

– Нет, спасибо.

Уже на улице Зинка подвела итог:

– Да, невесело быть бедными.

На набережной стало немного прохладнее, и они решили прогуляться. Море было едва заметно в темноте, но шум прибоя постоянно о нём напоминал. Они прошли километра два,

и Лариса почувствовала себя усталой от высоких каблуков и предложила поискать скамейку. Все скамейки были заняты; однако, вскоре они увидели одну, на которой сидел мужчина. Зинка предложила попросить его подвинуться, но Ларисе стало неудобно.

– Не будь такой стеснительной, – ответила подруга, – ничего с ним не случится.

Они подошли ближе.

Мужчина освободил для них место без того, чтобы его попросили, и сказал на довольно хорошем русском языке:

– Садитесь, пожалуйста.

– Вы русский? – удивилась Зинка.

– Нет, я турок, – ответил незнакомец, – но говорю по-русски.

– Да? – воскликнули подруги хором.

И Зинка продолжила расспросы:

– А где вы научились? Вы были в России?

– Да, я несколько лет работал в Москве на строительстве одного коммерческого центра.

– Ой, как интересно! – воскликнула Зинка. – А что вы здесь делаете? В отпуске?

– О нет! Работаю вон на той стройке. – И он протянул руку в сторону, чтобы показать им здание, едва видневшееся в темноте. – Строительство уже почти закончено, но ночью плохо видно. Это будет пятизвёздочный отель.

– Как хорошо, – сказала Зинка, чтобы что-то ответить. Лариса не нашла, что сказать.

Света от установленного рядом со скамейкой фонаря было вполне достаточно, чтобы хорошо рассмотреть незнакомца. Он выглядел на сорок с плюсом, с чёрными волосами, слегка поседевшими на висках, и орлиным, но хорошей формы носом. У него не было усов, но лицо покрывала модная трёхдневная щетина. Тёмные, блестящие глаза под густыми бровями давали ему сходство с кавказцами. «Похож на чеченца», подумала Лариса. Но в его манерах и разговоре было что-то, что его выгодно отличало от тех южных мужчин, которых она встречала раньше у себя в городке. Это что-то было уважением и доброжелательностью, с которыми незнакомец к ним отнёсся.

– Кстати, моё имя Керим. А вас как зовут?

– Зинаида, а её зовут Лариса.

– А! Я был знаком с одной Ларисой в Москве. Она была переводчицей у нас в компании. А вы в отпуске?

– Да, – на этот раз ответила Лариса. Керим ей понравился, и она почувствовала к нему доверие.

– Из какого места в России вы приехали? Вижу, что не из Москвы, вы говорите иначе.

– Точно, – опять вмешалась в разговор Зинка, – Мы из Пскова.

«Как она врёт!», подумала Лариса, «с какой непосредственностью!». Но потом она мысленно поддержала подругу. Псков был большим городом, многие его знали. А кто знал Васильево, посёлок с пятью тысячами жителей, затерянный в лесах и окружённый несколькими опустевшими деревеньками?

– Я слышал о Пскове, но никогда там не был.

Новый знакамый рассказал им о своей жизни в России и о работе, которую там выполнял. Он был прорабом на стройке. Работа в Москве зимой была очень тяжёлой из-за холода, поэтому он вернулся в Турцию, как только контракт закончился. По этой причине он никогда не согласился бы работать там снова, хотя в России можно было заработать хорошие деньги.

С каждой минутой Керим нравился Ларисе всё больше. Она находила его воспитанным, искренним и приятным мужчиной. И у неё даже мелькнула мысль, что была бы не против встретиться с ним снова. Поэтому она обрадовалась, услышав его предложение:

– У меня есть один приятель, Мурат, он работает со мной и тоже говорит по-русски. Очень хороший и порядочный человек. Как вам кажется, не встретиться ли нам завтра вчет-

вером? Завтра воскресенье, свободный день. У нас есть машина, и мы могли бы проехаться по побережью и показать вам окрестности. В пятнадцати километрах отсюда есть очень красивый пляж; мы могли бы там искупаться, а потом пообедать в сельском ресторане. Мне бы очень хотелось, чтобы вы приняли приглашение. Очень!

– Ой, я не знаю... – замялась Лариса. Ей вдруг стало беспокойно. – Мы ведь только познакомились...

Зинка ущипнула её за руку и исправила ситуацию:

– Конечно, мы согласны. Мы здесь одни, ничего не знаем, и нам очень хотелось бы проехаться по побережью. Сразу заметно, что здесь есть красивые места.

– В таком случае, мы заберём вас прямо у входа в ваш отель. Как он называется?

Лариса объяснила ему, где они жили, и они договорились встретиться в девять утра. Позже было бы слишком жарко. Они распрощались по-дружески, и подруги направились в гостиницу. Уже было довольно поздно, и тело требовало отдыха.

У Ларисы всё-таки были сомнения насчёт назначенной встречи. Они не знали этого человека, а о его приятеле не имели малейшего представления. А вдруг они бандиты? Они запросто смогут увезти двух незащищённых женщин куда-нибудь подальше, изнасиловать и даже убить. Хотя, с другой стороны, этот Керим выглядел вполне прилично. Зинка совсем не разделяла её страхов. Да ведь за версту видно, заявила она, что это совсем нормальный человек. Он здесь один, без семьи, и наверняка хочет просто развлечься.

– Так же как и мы! — подвела она итог с иронией. – Ты посмотришь, всё будет хорошо. Мы потеряем только обед в отеле, но я больше чем уверена, что голодными не останемся. Ни в каком отношении, – добавила она с двусмысленной улыбкой.

На следующее утро, когда подруги вышли на улицу, они сразу увидели Керима, разговаривавшего с каким-то светлым шатеном среднего роста. Ещё не было девяти, но всё вокруг уже было залито ярким солнцем. Керим и его товарищ были одеты по-летнему в шорты и светлые футболки. Увидев подошедших женщин, оба поздоровались по-русски, а незнакомец, одарив их ослепительной улыбкой, представился:

– Мурат.

У него были совсем светлые глаза, что чрезвычайно удивило Ларису; она думала, что все турки были темноглазые брюнеты. При дневном освещении Керим выглядел ещё более привлекательным, чем в предыдущий вечер. Он был высоким, натренированным, и лёгкая, подчёркивающая мускулатуру одежда ему очень шла. Оба мужчины были сильно загорелыми; было заметно, что они проводили весь день на открытом воздухе.

Женщины устроились на заднем сидении, и машина тронулась. Ларисе было слегка беспокойно, но в то же время она чувствовала сильное возбуждение из-за предстоящего приключения. Минут через пятнадцать они уже были на том пляже, о котором говорил Керим в предыдущий вечер. Он мало походил на открытый всем ветрам пляж возле их отеля. Это был живописный кусок берега, спрятанный между двумя утёсами, выступавшими далеко в море. В этом чудесном уголке была спокойная и очень прозрачная вода, а дно покрыто тонким песком без камешков. Лариса удивилась небольшому количеству народа, но Керим объяснил ей, что этот пляж находится в определённом удалении от популярных зон отдыха, и что иностранным туристам трудно туда добраться без машины.

Уже на берегу совершенно естественно образовались две пары: Зинка с Муратом и Лариса с Керимом. Её подруга сразу поняла правила игры и охотно приняла то, что ей предлагалось. Она оживлённо беседовала со своим спутником и было очевидно, что она прекрасно себя чувствует в его компании. Похоже, у типа был весёлый характер, так как Зинка часто хохотала над его шутками.

Лариса лежала на песке рядом с Керимом и наслаждалась пляжем и солнцем. Её собеседник расспрашивал её о жизни в Пскове и о том, чем она занимается. Она обманула его, сказав,

что работает медсестрой; ей было бы стыдно признаться, что она зарабатывает на жизнь в кассе супермаркета. К тому же ложь её была не так уж серьёзна; ведь у неё был диплом медсестры.

Со своей стороны, Керим рассказал ей, что постоянно живёт в городе Измире, известном на западе как Смирна. Лариса не имела никакого понятия о существовании такого города ни о его местонахождении, но ей было неудобно расспрашивать об этом Керима и показывать своё невежество. К счастью, он сам много рассказал об Измире, третьем по величине и самом прозападном городе Турции. Люди там ведут очень либеральный образ жизни, практически ничем не отличающийся от европейского. Он любит свою маленькую родину за её красоту, за то, что она возле моря, за её многотысячную историю и за богатейшую культурную жизнь. Измир – город с архитектурой, отмеченной различными цивилизациями. В древности он принадлежал Римской империи, затем Византийской, пока его не захватили арабы. Несколько раз он переходил из рук в руки, пока не был окончательно захвачен Османской империей в четырнадцатом веке.

Лариса с удивлением слушала Керима. Ведь она думала, что Турция – это мусульманская страна с низкой культурой, где мужчины имеют гаремы, а женщины ходят в шалих или в чадре. Как же она ошибалась! Её было очень стыдно за своё незнание других стран и их культуры, за необразованность и неумение поддержать разговор. В школе она никогда не была хорошей ученицей, для неё самое главное было получить тройку. И чтение не было её любимым занятием. Ей было достаточно телевизора, где она часто смотрела фильмы и сериалы. И вот сейчас ей приходилось трудно в разговоре с этим интересным человеком.

Но не могла же она открыть ему своё невежество! Поэтому Лариса слушала Керима внимательно, выражая большой интерес ко всему, что он ей рассказывал. Она уже окончательно поняла, что он не был преступником, и перестала бояться. Это был просто приятный и симпатичный мужчина, искавший женского общества. Лариса это уже давно заметила. В первый момент он вёл себя сдержанно и серьёзно, но теперь уже начал показывать Ларисе свой интерес к ней, как к женщине. Сначала он сказал ей, что она очень красивая. Ему всегда нравились русские женщины, особенно блондинки, признался он ей. В них было что-то особенное, чего немки или англичанки, в своём большинстве, не имели: женственность и нежность. Им нравилось хорошо выглядеть и они умели себя преподнести.

– Поэтому в России у меня было много романов, — признался он с улыбкой.

– Но женился ты на турчанке, – сказала Лариса, засмеявшись. Она уже начала говорить ему на «ты».

– Это правда. У нас с женьбой не так всё просто; наша культура в этом отношении сложная, и чужая религия в семье нежелательна.

– Да, но есть много русских женщин замужем за арабами, и они тоже мусульмане...

– Правда, здесь тоже есть такие пары, но христиане должны конвертироваться, а далеко не все готовы пойти на это.

– А где живёт твоя семья? В Измире? – спросила Лариса. – Ты здесь один?

– Моя бывшая жена и дети в Измире. Они уже взрослые, учатся в университете. А я вот блуждаю по стране от контракта к контракту.

Лариса очень удивилась, услышав о взрослых детях. Сколько же ему лет? Вполне возможно, что он старше, чем она думала. А если это так, то выглядит он прекрасно. Но потом она вспомнила о комментариях, которые раньше слышала: мусульмане женятся рано.

– Значит, ты разведён. Я думала, что у вас этого не бывает.

– Конечно, бывает. В браке иногда возникают проблемы, независимо от религии.

Лариса не знала почему, но ей было приятно получить такую информацию от своего нового знакомого. В то же время, она почувствовала смущение от того, что задавала такие прямые вопросы. Поэтому она повернула голову немного в сторону и искала глазами Зинку,

бессознательно ища от неё поддержки. Однако, Зинкино полотенце было пустым. Мурата тоже не было на месте.

– Не беспокойся, – услышала она голос своего спутника, – они купаются.

В самом деле, метрах в двадцати от берега Зинка и Мурат стояли в воде прижатые друг к другу. Ларисе даже показалось, что они целовались. «Ну и нахалка!», воскликнула про себя Лариса, удивлённая поведением подруги. Керим тоже на них посмотрел.

– Похоже, что они понравились друг другу, – сказал он с улыбкой.

– Да, похоже.

Лариса сразу почувствовала замешательство. Что мог подумать этот человек о ней самой? Но он ничего больше не сказал и поменял тему разговора. Через несколько минут он предложил ей тоже окунуться. Ларисе очень понравилась вода: довольно тёплая, но в то же время освежающая. И ей это было особенно приятно, поскольку её нежная кожа успела обгореть и нуждалась в прохладе. Керим заметил покраснения:

– Ты обгорела, – заметил он. – Ты должна быть осторожнее, у тебя слишком белая кожа. Ты не пользуешься кремом? Я не заметил, чтобы ты помазалась. А вот мне уже не нужно, у меня естественная защита.

Лариса вспомнила, что даже не вытащила крем из сумки. Она не привыкла ходить по пляжам, тем более в компании таких интересных мужчин, и совсем забыла про защиту. К тому же она отвлеклась разговором с Керимом. Но как только они вышли из воды, она вытерлась полотенцем и вытащила тюбик с самого дна сумки. Затем она начала наносить себе крем на грудь, на руки и на ноги.

– Давай я тебе помогу, – непринуждённо предложил Керим и протянул руку за тюбиком.

Она засомневалась немного, но потом согласилась:

– Хорошо, спасибо.

Его руки были холодными после купания, но обжигали ей кожу. После ссоры с Сергеем несколько недель назад Лариса была совершенно одна, и её тело моментально откликнулось на нежные прикосновения. Ей очень не хотелось, чтобы рука Керима покидала её спину, но это произошло. Он провёл по плечу в последний раз и вручил ей крем:

– Готово.

– Спасибо, – сказала она и покраснела.

Ей было стыдно за то, что он, определённо, заметил, как она млела от его помощи. А что до неё самой, Лариса была уверена: позови Керим её, она сразу за ним пойдёт.

Около часу дня компания решила собираться, пора было обедать. Собрав с песка вещи, они подошли к машине. Зинка, ужасная нахалка, сразу уселось на переднее сиденье рядом с ведущим машину Муратом. Естественно, Ларисе пришлось сесть с Керимом на заднем. Ей уже было не до приличий, единственное чего она хотела это ощущать рядом с собой его мускулистое тело. Машина направилась в сторону, противоположную их туристическому посёлку, но Керим объяснил, что ресторан, куда они направляются, расположен в нескольких километрах далее по шоссе. Они были в дороге приблизительно четверть часа, но Ларисе хотелось, чтобы она не кончалась – настолько ей было хорошо. Она не помнила, чтобы какой-нибудь мужчина был способен так влиять на её волю. С первого мгновения поездки её спутник подчинил её себе, но сделал это с необычайной нежностью. Он взял её руку в свою и стал тихонько гладить ей пальцы. У неё не хватило сил убрать руку, настолько слабой и безвольной она себя чувствовала. Затем его ладонь медленно поднялась вверх и стала гладить ей плечо, которое просто горело, и она не могла понять отчего: от солнца или от его нежных прикосновений. Через некоторое время его ладонь опустилась и начала ласкать ей бедро. Она закрыла глаза и ничего не сказала. Эта рука с гибкими, умелыми пальцами довела её до экстаза. Лариса трепетала и летела в пропасть. Никогда в своей жизни она никого так не желала.

Вскоре машина сбавила скорость, и они въехали в небольшую деревушку. Потом повернули на одну из поперечных улочек. Автомобиль окончательно замедлил скорость и остановился напротив большого двухэтажного дома.

– Приехали, – сказал Мурат, и они вышли из машины.

Лариса думала, что ресторан будет большим и похожим на те, что они часто видели в их посёлке, со столиками, выставленными на тротуар и с раскрытыми тентами. Но всё оказалось не так.

– Это семейный ресторан с традиционной турецкой кухней, – пояснил Керим, заметив её обеспокоенное лицо. – Они очень вкусно готовят, сама увидишь.

Они вошли в помещение. Зал был небольшим, в нём помещалось всего шесть столиков, но к дому прилегал просторный и очень живописный двор. Несколько ветвистых деревьев создавали густую и прохладную тень. Небольшой восточный фонтан освежал воздух и создавал особый уют. Во дворе было довольно много столов, и многие гости уже обедали. Пахло очень вкусной едой и, уловив этот запах, Лариса почувствовала голод.

– Какое замечательное место! Воскликнула Зинка, которая просто висела на руке у Мурата, будто всю жизнь только так с ним и ходила. Лариса же отодвинулась от Керима. Сейчас ей было стыдно за своё поведение в машине. Интересно, что он о ней подумал? Что все русские женщины сразу же вешаются на первого попавшегося мужика? Официант сразу принёс хлеб и вино и объяснил, что скоро вернётся с меню. Он говорил только по-турецки, поэтому мужчины переговаривались с ним сами, переводя разговор женщинам. Потом они сделали заказ: баранина и овощи на гриле.

– А я думала, что мусульмане не пьют спиртного, – тут же заметила Зинка, держа в руке запотевший бокал с белым вином.

– Не все пьют, – ответил Мурат, – и это стало чаще видно в последнее время, так как религия усилила своё влияние в обществе, но мы не активные верующие. Мы ведём нормальную жизнь и очень любим сухое вино, так же как и коньяк. Он здесь довольно популярен.

– В России коньяк тоже популярен – тут же вставила Зинка, – и пьют его довольно много. Но по сравнению с водкой, он считается более утончённым напитком.

– Мы это хорошо знаем, мы же жили в Москве, – сказал Керим и поднял свой бокал: – За дружбу!

– За любовь! – добавил его друг, и они выпили понемногу.

Вино было ароматно и свежо на вкус. И разговор продолжился, прерываясь время от времени громким смехом. Мурат много рассказывал об их приключениях в России. Он был хорошим рассказчиком, и подруги оценили его истории, полные нелепых ситуаций. Особенно им понравился эпизод, происшедший в Москве, на одной из центральных улиц. Там был задержан совсем молодой полицейский, и после грубого нарушения они сумели так заморочить ему голову, что он их не оштрафовал. Зинка громко смеялась, и Лариса тоже не отставала. Она прекрасно себя чувствовала в этой маленькой компании: всё было так не похоже на то, с чем она была знакома до сих пор. В их посёлке, когда собиралась компания, мужчины быстро напились, начинали говорить глупости и бесцеремонно приставать к женщинам. А что до женщин, то тоже были такие, что напились и вели себя ужасно. Короче, жизнь у них в посёлке была серая и убогая, и ей совсем не хотелось вспоминать об этом сейчас, в таком красивом месте и в таком приятном обществе.

Принесённые блюда были необычайно вкусными – ещё лучше, чем в отеле – и Лариса не удержалась, чтобы их не похвалить. Всё это пахло древесным дымом, необычными специями и чем-то ещё, чего она себе не представляла. Когда принесли баклаву на десерт, Лариса была уже так сыта, что попробовала только маленький кусочек. В течение всего обеда она чувствовала близость Керима и его внимание; то и дело он нежно трогал её руку или поглаживал плечо. Короче, её не удивило, когда после обеда, оплатив по счёту и коротко поговорив с одним

из работников ресторана, обе пары были приглашены наверх, на второй этаж. Ларисе уже было не до церемоний; ей было важно только одно: она сходила с ума по сопровождающему её мужчине и хотела с ним близости любой ценой.

Глава 6

По окончании четвёртого курса академии Энрике не поехал домой на Кубу, как в предыдущем году, ему не полагалось. Кубинских студентов отправляли на каникулы на родину через год. С одной стороны это рассматривалось как поощрение, потому как кубинское правительство полностью оплачивало им проезд. Но с другой стороны это было обязанностью, поскольку молодым людям не позволялось пребывать вдали от родины дольше двух лет. Власти опасались за их идеологическую устойчивость.

Тем летом Энрике вызвали в иностранный деканат, занимавшийся студентами из других стран, и там ему вручили бесплатную путёвку в студенческий лагерь, расположенный на берегу Чёрного моря. Она давала ему право на отдых в студенческом лагере в течение одного месяца. В данном случае, в июле.

Эта поездка поначалу оставила его равнодушным. Ему совсем не хотелось отправляться куда-то на поезде, трястись в жарком вагоне два дня, чтобы оказаться в каком-то незнакомом месте под странным названием «Буревестник». Одна только дорога в оба конца была огромной потерей времени: целых четыре дня. Но когда он узнал, что многие из кубинских студентов решили туда поехать, у него изменилось настроение.

Так что через несколько дней Энрике и компания сошли с поезда на небольшой станции, расположенной на побережье. И надо заметить, что поездка оказалась довольно развлекательной. Они проводили день в каком-нибудь купе из занятых кубинскими студентами и играли в карты. На то время их любимой игрой была *canasta*. Устав от карт, они рассказывали анекдоты и громко смеялись. Несмотря на создаваемый кубинскими студентами шум, ребята понравились пассажирам, которые тоже направлялись на юг. Почти все эти люди ехали в отпуск и поэтому были в хорошем настроении. Как только они узнавали, что ребята кубинцы, то начинали выражать им свою симпатию и объявлять, что влюблены в Кубу и в Фиделя. Иногда к ним подходил какой-нибудь дядечка и предлагал выпить с ним стаканчик вина, а заодно спеть хором «Гуантанамеру».

По правде, когда Энрике получил путёвку и услышал слово «лагерь», у него в голове сразу возникла картинка, которую он в своё время запомнил навсегда: страшные цементные бараки с узкими окошками под крышей. Он жил в таких бараках студентом во время обязательных полевых работ. Это тоже называлось лагерем. Потому он сильно удивился, увидев курортное местечко на красивейшем побережье, где им предстояло пробыть месяц. Это больше походило на гостиницу. Лагерь состоял из множества одноэтажных коттеджей на несколько комнат, и у каждой комнаты имелась просторная терраса, оборудованная столами и удобными креслами для отдыха. Это чем-то напоминало отель *Kawama*, в Варадеро, где он подростком отдыхал с родителями. Энрике этого не ожидал и пришёл в восхищение. С первого момента он влюбился в это место, и у него появилось ощущение, что здесь его ждали приятные приключения.

И в самом деле всё случилось именно так. С утра они шли на пляж, который был очень живописен, хотя ему было не сравниться с Варадеро. Вместо тонкого белого песка там была галька, по которой было трудно ходить босиком. Но вода была очень прозрачная и ярко-голубая, и это, в какой-то мере, было похоже на тропическое море его родины. После обеда они занимались спортом: играли в настольный теннис, волейбол или бадминтон. По вечерам показывали кино, которое чередовалось с концертами или танцами. Небольшая студенческая группа типа Битлз играла мелодии из репертуара знаменитой ливерпульской четвёрки, а также модные мелодии тех лет и свои собственные сочинения. Отдыхающие студенты высоко оценивали их музыку. На танцах кубинские студенты вызывали настоящий фурор своим чувством ритма и умением красиво двигаться под музыку; самые красивые девушки сами приглашались

с ними танцевать. Кубинцы же выделяли незнакомые в те годы в России латинские па под любую быструю мелодию, мастерски подстраиваясь под ритм; они танцевали парами и в кругу, и тогда самые смелые из русских студентов присоединялись к ним, особенно девушки, и пытались копировать их движения.

В те дни Энрике познакомился с Мариной. Её внешность была такой, которая не бросается в глаза с первого взгляда. Будучи привлекательной и изящной, она не выделялась из толпы; возможно, из-за скромности. В первые дни Энрике даже не заметил присутствия Марины, и на танцплощадке вообще не различал её среди прочих девушек, хотя в последствии она ему призналась, что всегда ходила на площадку и любовалась танцами кубинцев. Они познакомились на пляже, когда его группа случайно оказалась рядом с группой из пяти симпатичных девушек, студенток Московского Института Иностранных Языков. Марина учила английский и испанский (какая случайность!) и на тот момент закончила третий курс. Между обеими группами сразу возникла дружба, и молодые люди начали проводить время вместе.

С первого момента Энрике больше понравилась Светлана. На Марину он обратил внимание позднее, когда они как-то вечером отправились бродить все вместе по окрестностям лагеря. Почему-то он начал с ней разговаривать; и с первого момента их общения девушка показалась ему такой интересной и он так увлёкся разговором, что сам того не замечая, оторвался от группы и остался с ней наедине. Они потихоньку вышли к пляжу и сели на камни возле воды. И вдруг замолчали, любуясь великолепным зрелищем полной луны над морем и лунной дорожкой на воде. От такой красоты захватывало дух и хотелось чего-нибудь необычного, хотелось любви. Но ничего не произошло. Энрике просто не смог повести себя с Мариной так, как он привык поступать с другими девушками в подобной обстановке. Объятия, поцелуи, а если повезёт, можно пойти и дальше. Короче, ни к чему не обязывающее короткое приключение по взаимному согласию — такова была его стратегия в отношениях с женским полом. Но не с Мариной. Она не была такой, как другие. Она была особенная, и это он интуитивно осознал с первого момента.

Поначалу он не понимал, почему его так потянуло к Марине. Во-первых, она не принадлежала к тому типу русских девушек, которые ему обычно нравились. Вот Светлана, да. Весёлая, открытая блондинка со светлыми глазами, она обожала танцы и спорт. И всегда выделялась из группы своей яркостью и умением запросто и без комплексов общаться. Светлану знали в лагере все, и все стали её друзьями, включая и их, кубинских студентов. Поэтому с самого начала у Энрике были планы завести с ней отношения поближе. Он не хотел, чтобы кто-нибудь его опередил. Но в тот вечер, когда он сблизился с Мариной, у него изменились намерения. Хорошо приглядевшись, он увидел, что у этой девушки были нежные и очень гармоничные черты лица. Свои густые каштановые волосы она заплетала в косу, и это делало её чем-то похожей на барышень девятнадцатого века. Большие карие глаза с глубоким взглядом, красиво контрастировали с белой кожей и сочетались по цвету с волосами. Узнав её поближе, Энрике удивился, как это он не заметил её с первого дня, ведь по сути она была гораздо красивее Светланы. Может потому, что он не встречался с ней взглядом?

С этого первого вечера они стали часто видеться. Они сходились каждое утро на пляже, укладывались рядом на соломенных циновках и разговаривали. Его товарищи кубинцы смеялись над ним; они не понимали, как он мог проводить столько времени за разговорами с этой странной девчонкой, вместо того, чтобы закрутить с кем-нибудь роман. Они говорили ему, что он теряет и время, и возможности. Ведь вокруг было столько красивых студенток, приехавших на каникулы и искавших приключений. Вскоре он узнал, что его приятель Эрнесто, сошёлся со Светланой. Конечно, эта новость вызвала в нём небольшую зависть, но всё-таки он не жалел, что выбрал не её. По правде сказать, завоевать Светлану оказалось совсем нетрудным делом. В лагере сплетничали, что она была легкомысленна; что в Москве у неё был официальный

парень, но она не упускала возможности погулять на стороне. Но, в конце концов, у всех была та же самая цель: все хотели весело провести время, включая и его, Энрике.

Правда, сейчас он развлекался совершенно другим образом. Марина открыла для него мир, с которым он раньше не сталкивался. Беседуя с ней, он узнал о многих новых вещах, о которых раньше не имел никакого представления. Надо сказать, что Энрике всегда считал себя умным и довольно информированным парнем. В течение всей учебной траектории он был лучшим учеником, как в средней школе, так и в довузовском институте. Даже сейчас, будучи иностранцем и имея определённый языковой барьер, он считался одним из лучших студентов в своей группе. По-русски он говорил прекрасно, с едва заметным акцентом, за что получал постоянные похвалы от товарищей и преподавателей. Но ему не хватало главного, чего он сам из-за своей самоуверенности не осознавал: ему не хватало общей культуры.

Энрике был старше Марины на два года, но эта молоденькая девушка, почти девочка, удивляла и восхищала его своими изящными манерами и эрудицией. Безусловно, у неё было гораздо больше возможностей получить хорошее воспитание в отличие от него, вышедшего из обычной рабочей семьи, где родители не имели даже девятого класса, в то время как отец Марины был известным архитектором, а мать работала искусствоведом в одном из главных московских музеев. Родители всегда уделяли огромное внимание общему развитию Марины и выбирали для её образования всё самое лучшее. Так что Марина окончила школу с языковым профилем, где все предметы преподавались по-английски. Поэтому она свободно владела языком и читала по-английски любую книгу. Сейчас она учила языки в высшей школе с целью стать синхронным переводчиком. Она также говорила по-испански. И будто бы этого было недостаточно, изучала ещё и французский с помощью частного преподавателя. Кстати, по-испански она читала такие книги, о которых он, носитель языка, не имел ни малейшего представления. Она рассказывала ему о Кортасаре, чьи рассказы обожала, о Гарсия Маркесе, о Варгасе Льюсе и даже о кубинском писателе Алехо Карпентьере.

Марина также открыла ему мир русской литературы. Она знала много стихов Есенина, Блока, Ахматовой и других известных поэтов, и читала их наизусть. Никогда до этого момента девушки не читали ему стихов. Марина отличалась от всех и вызывала в нём уважение и восхищение. Именно это восхищение мешало ему начать ухаживать за ней по привычному методу, хотя Марина очень нравилась ему. Но однажды вечером, гуляя с ней по парку, окружающему лагерь, Энрике сказал ей об этом.

– Ты тоже мне очень нравишься, – сразу же ответила ему Марина, – понравился, как только я тебя увидела на танцплощадке. Ты очень красиво танцуешь. Я так хотела, чтобы ты меня пригласил, но ты никогда не смотрел в мою сторону. Энрике был не способен признаться, что даже не замечал её тогда, и поэтому соврал:

– Да я не осмеливался, ты была такая серьёзная... Просто боялся получить отказ.

Её нежные, неопытные губы пахли клубникой, как у ребёнка. Энрике и представить себе не мог, что в эпицентре России, в гуще пульсирующей столичной жизни могут существовать двадцатилетние, привлекательные девушки с такой степенью невинности. На Кубе любая девочка, начиная с пятнадцатилетнего возраста, уже владеет многими секретами физической любви. И вот, удивительное дело, рядом в нём сидела она, мечтательная и наивная, для которой его поцелуи были первыми в жизни. Энрике не был святым, но он просто не мог попать такую чистоту. С другой стороны, он был просто ошарашен, он не мог себе представить, куда могут его завести такие своеобразные отношения. Приятели, проводившие каникулы с большей «пользой», в шутку издевались над ним:

– Послушай, *chico*, да ты у нас прямо превратился в профессора! Чего тебе не хватает, так это пары очков и портфельчика модели «дипломат».

В Москве они расстались, и весь август месяц Энрике не встречался с Мариной. Она уехала из города с семьёй; под Москвой у них была дача. Поскольку они совсем недавно позна-

комились, Энрике счёл неуместным навещать её за городом. К тому же это означало бы сделать следующий шаг в их отношениях. А он не был к этому готов, он не хотел быть связанным какими-либо обязательствами. К тому же, он был кубинец, а она русская. И он иногда спрашивал себя, какое у них может быть будущее. Его друг Эрнесто прямо заявил, что никакого. Эта русская девочка может легко превратиться в большую проблему. А есть ли у Энрике необходимость создавать себе лишние проблемы? И добавил, что в Москве миллион девушек, только выбирай. К тому же, ему остаётся только год учёбы в академии; потом он должен вернуться на родину, и поэтому не стоит усложнять себе жизнь серьёзными отношениями, чтобы потом их порвать. Потому что он не собирается на ней жениться, не так ли? Это было бы чистым безумием. Энрике думал точно так же, как и его друг, но ничего не мог с собой поделать: он не мог не думать о Марине.

Однажды вечером он не выдержал и позвонил ей по телефону, установленному в студенческом общежитии. На звонок ответил Маринин отец:

– Да, слушаю Вас!

– Вы не могли бы позвать Марину? – осмелился он ответить через несколько секунд молчания.

– Доченька, тебя спрашивает какой-то иностранец!

– А, это товарищ из лагеря, кубинец – слышалось издалека. Через несколько секунд тишины послышался её голос: – Привет! А ты почему мне так долго не звонил? Я всё это время ждала от тебя звонка.

Её искренность его полностью обезоружила, он даже почувствовал себя мерзавцем. Как мог он заставить её ждать целых две недели? Он не знал, что ответить и просто сказал:

– Я очень по тебе соскучился.

– И я тоже, но уже скоро мы сможем встретиться. В это воскресенье мы возвращаемся домой.

Как только Энрике услышал её голос, все его сомнения сразу исчезли. Он понял, как в самом деле по ней скучал, как ему не хватало привычных разговоров с ней, но не только разговоров: ему не хватало её кожи, её губ и запаха её волос.

Пять дней спустя они встретились на выходе метро «Парк культуры» и пошли погулять. Марина подарила ему быстрый поцелуй, так как стеснялась большого скопления народа, а он крепко её обнял. И в этот момент опять почувствовал, как она ему нужна.

Они направились к мосту и пересекли пешком реку, а потом вошли в парк через главные ворота. Лето кончалось; уже и был конец августа, но погода стояла хорошая, и в этом прекрасном уголке Москвы было очень оживлённо, особенно из-за присутствия большого количества детей, которые всё ещё были на каникулах. Молодые мамы прогуливались с малышами в колясках, в то время как влюблённые бродили по аллеям парами. Марина и Энрике тоже наслаждались прогулкой; взявшись за руки, они подошли к пруду, где сотни уток сновали в воде в поисках еды. Энрике всегда любил наблюдать за птицами, и ему было неважно, какие они: маленькие воробьи, прыгающие с ветки на ветку, или большие лебеди, гордо плывущие по тёмной поверхности озера.

Рассказывая ему о своём пребывании на даче, Марина отметила, что место, где она находилась, было просто райским.

– Как-нибудь съездим туда и сам посмотришь, какой там замечательный лес.

Лес?, подумал Энрике, для чего ему какой-то лес? Ему и в этом парке хорошо. А вообще-то ему нравится город, в своём постоянном движении. В городе можно ходить по улицам и наблюдать за жизнью во всех проявлениях. Несмотря на то, что Энрике был бедным студентом, он по-своему наслаждался пребыванием в столице. Когда было жарко, его друзья кубинцы собирались и все вместе отправлялись на пляж на Москву-реку; это был довольно скромный пляж в северо-западном районе, но он был песочным и очень даже неплохим для купания.

Иногда они ходили в кино или просто болтались по улицам. И даже когда не возникало идей и они оставались в общезитии, им всегда было чем заняться. Они пили кубинский крепкий кофе, играли в карты, слушали музыку или разговаривали. И им всегда было весело вместе и хорошо.

– Если бы ты только знал, сколько интересных людей проводит лето в Переделкино! – воскликнула Марина, рассказывая ему о знаменитых литераторах, имеющих дачи в посёлке.

Даже в прошлые времена там жили знаменитые поэты и писатели. Например, Исаак Бабель, рассказывала она с энтузиазмом. Слышал ли он о Бабеле? Это был великолепный рассказчик, кстати, еврей. Он много писал о жизни своего народа. К несчастью, был репрессирован и расстрелян в тридцатые годы.

– И Борис Пастернак, – продолжала Марина, – он получил Премию Нобеля и вынужден был от неё отказаться. Я как-нибудь расскажу тебе его грустную историю. В переделкино жил Корней Чуковский, знаменитый детский поэт, когда я была маленькой, то обожала его книги.

Марина рассказывала без остановки о жизни в посёлке. На улицах Переделкино можно запросто столкнуться с Евгением Евтушенко, Беллой Ахмадулиной или Булатом Окуджавой. Для русских и советских литераторов Переделкино – это такое важное место, что его можно сравнить разве что с Олимпом. Как и на знаменитой греческой вершине, там всегда собираются литературные божества. А для неё, молоденькой девчонки, очень много значит возможность видеть их всех в лицо.

– И как твоя семья сумела достать дачу в таком эксклюзивном месте?

– Мои бабушка и дедушка по папиной линии владели небольшим домом в деревне, в окрестностях Переделкино ещё с дореволюционных времён и сумели его сохранить, несмотря на революции и войны. Посёлок вырос и домик оказался внутри. А родителям очень повезло, потому что, благодаря должности папы, его не отобрали позднее. Это очень старый дом, но уютный, и мне ужасно нравится проводить там лето. У нас есть большая стеклянная веранда, выходящая в сад. Весной там цветёт сирень и жасмин, а в августе астры и гладиолусы. Каждый день под вечер мы собираемся на веранде пить чай. Почти всегда к нам заходят соседи или приезжают из города друзья родителей. За разговорами мы засиживаемся до ночи, и чаепитие переходит в ужин.

– Как интересно! – сказал Энрике без особого энтузиазма и подумал, что не смог бы рассказать Марине ничего интересного о своём кубинском доме, расположенном в третьеразрядном районе Гаваны под названием Луяно́. Дом тоже очень старый, но совсем неудобный: обветшалые стены с облезшей краской, а крыша течёт каждый раз, как идёт дождь. Ему не хотелось рассказывать ни о продуктовой карточке, ни о тараканах, заполнивших дом, ни о том как его матери не удаётся их истребить, несмотря на массу отравы, которая совсем не действует. И вообще, ни его родители, ни их соседи не разговаривают о литературе, а только обсуждают, где достать мыло или еду, которых хронически не хватает.

В тот день Энрике осознал в полной мере, какая пропасть их разделяет. И ему стало грустно. Марина явно заметила перемену в его настроении и сменила тему разговора; она стала расспрашивать о том, чем он занимался в течение последних трёх недель. Она слушала его с интересом и, в частности, очень смеялась над его рассказами о приключениях кубинских студентов в Москве. Особенно, о тех моментах, которые связаны с их ошибками из-за незнания русского языка и местных привычек. Марина никогда не бывала за границей, и встреча с Энрике и его друзьями была для неё первым в жизни контактом с иным миром, поэтому её интересовало абсолютно всё, и она задавала ему массу вопросов. Одним словом, с ней было приятно разговаривать; к тому же, она хорошо умела слушать.

Уже было поздно, но время в обществе Марины всегда бежало очень быстро. Свидание закончилось страстными поцелуями в густой тени затерянного в парке уголка, рядом с кустами

давно отцветшей сирени. Волосы Марины пахли сосновой хвоей, и её ослепительно белая грудь выделялась на фоне загорелых за лето рук и плеч.

Вдруг, твёрдая рука девушки решительно остановила любовный энтузиазм Энрике.

– Ты никогда не признавался мне в любви.

– Конечно, ты мне ужасно нравишься, разве ты не видишь?

– Это не одно и то же, и для меня имеет огромное значение.

Энрике остановился, чтобы подобрать нужные слова и объяснить ей, что всё было не так просто. Потом сказал:

– Видишь ли, я кубинец. Мы не можем пожениться, это было бы ошибкой, понимаешь?

Твоя жизнь сильно отличается от моей. У твоей семьи прекрасное положение, ты отдыхаешь летом на даче вместе с советской культурной элитой, у тебя есть частный преподаватель французского. Ты можешь представить себе, что означает жить на Кубе, в стране, совсем не похожей на твою, и где не хватает элементарных вещей, необходимых для жизни? Я не могу себе представить такую нежную и избалованную жизнь девушку, как ты, в условиях моей страны.

– Тогда почему ты за мной ухаживаешь? Чтобы заставить меня страдать? – Она помолчала минуту и продолжила: – А вообще-то ты когда-нибудь слышал о декабристах? Это была группа русской знати, восставшая против царя в начале девятнадцатого века. После подавления восстания большинство из них было выслано в Сибирь навечно и обречено жить в нищете, в самых жутких условиях. Их жёны, которых не коснулось наказание, добровольно поехали за мужьями в ссылку. Меня воспитали на их примере.

Энрике молчал, ему было нечего ответить.

Марина поправила причёску и застегнула пуговицы блузки.

– Останемся друзьями? – предложила она. – Звони мне, когда захочешь, мне не хотелось бы потерять наше знакомство.

Удивлённый её зрелостью Энрике согласился.

Прошло два месяца. Энрике был занят учёбой на последнем курсе и озабочен предстоящей дипломной работой. Всё это время он почти не вспоминал Марину, заставляя себя самого не делать этого. Он ей позвонил пару раз, скорее формально, чтобы не усилить ещё больше её отрицательное впечатление от последнего разговора. По правде говоря, ему всё ещё было важно её мнение о нём. В те дни у него было короткое приключение с одной симпатичной блондинкой, с которой он познакомился на чьем-то дне рождения. Так же как и он, блондинка стремилась к короткому роману, простой физической близости, поэтому они сразу расстались без неприятностей и драматических сцен.

Однажды, когда он шёл по улице Горького, ему показалось, что он увидел в толпе Марину. По тротуару, впереди него шла стройная высокая девушка с каштановыми волосами, заплетёнными в косу. С сильно бьющимся сердцем, он побежал за девушкой и окликнул её. Она не ответила; это была не Марина. Тогда, почувствовав нестерпимую тоску, он подошёл к первой попавшейся телефонной кабине и набрал её номер. Марина сразу же ответила, как будто бы ждала его звонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.